

A whimsical night sky illustration. The background is a dark teal color with scattered white stars of various sizes. A large, bright orange crescent moon is the central focus, featuring a simple face with closed eyes and a small smile. Several smaller, smiling orange stars are scattered around the moon, some resting on soft, white, fluffy clouds. In the upper right corner, a small, light blue planet or moon is visible. The overall style is soft and childlike.

Сотников Игорь

**Память совести,
или Совесть
памяти**

Игорь Сотников

**Память совести,
или Совесть памяти**

«Автор»

2015

Сотников И.

Память совести, или Совесть памяти / И. Сотников — «Автор»,
2015

Откуда проистекает это непонятно чем мотивированное желание изменить свое прошлое? И что нас раз за разом сознательно и бессознательно заставляет обращаться к нему? Ответ лежит на поверхности. Покопайтесь в своем настоящем.

© Сотников И., 2015

© Автор, 2015

Игорь Сотников

Память совести, или Совесть памяти

Глава 1

- Он заблуждался, – скажет кто-то, указывая на ошибку того, другого.
- И что вы ответите, в ответ на это? – спросят вас.
- Ну, так сразу и не ответишь, ведь я не знаю подоплёки этого дела. Да и сам, этот он, мне не знаком – возможно, ответите вы.
- Но всё же? – спросят вас.
- Что ж, – нехотя ответите вы, вздохнув, – человеку свойственно заблуждаться.

А ведь и действительно, чуть что случится не так, не по тому запланированному вами плану, – то у вас в кармане всегда наготове имеется универсальная фраза: ведь человеку свойственно заблуждаться. А вот почему свойственно, отчего-то мне так никто и не объяснил, а ведь так хочется это знать. Хотя, может быть и в этом я, в свою очередь, тоже заблуждаюсь. Но всё же, может быть это свойство и внесено в реестр характеристик человека, потому что вся его жизнь есть цепь блужданий в поисках своего места в этой его жизни, и где его всем движениями свойственна тепловая хаотичность, некогда описанная физиком Броуном.

И вот человек, наконец-то, набрёл на то, что, по его мнению, он искал и, казалось бы: остановись, отдохни и пользуйся результатом своего поиска. «Но нет, так не пойдёт!», – рассуждает он и, переведя дух, вновь пускается в этот свой путь в бесконечность. Ведь беспоконная мысль разве знает, что такое покой? Нет, она тоже живёт только одним поиском. Так и наш герой, казалось бы, достигнув того, к чему стремился, должен бы остановиться и, лежа в шезлонге где-нибудь на пляже Таити, наслаждаться жизнью человека, имеющего всё. Но нет, он не покупает себе: ни этот пляж, ни ещё какой-то другой, хотя и имеет на это деньги. Да и вообще, он никак не трансформирует свои средства в их потенциальные возможности.

– Видали мы таких скряг, – скажет особенно пронизательный и очень не жадный читатель. Но дело не в этом, просто наш герой, заблудившись в своих предпочтениях – тем самым для себя потерял возможность желать. Но что же я всё вокруг да около? А не пора ли, более близко и детально рассмотреть нашего героя, ведь не все из нас имеют способности, если не разглядеть, то хоть домыслить рассматриваемое.

Нашего героя зовут Лу, и именно таким, слегка странным именем.

При этом спешу успокоить поклонников мексиканской мелодраматике, так невоздержанных в своих страстях и заявить, что появлению такой транскрипции имени, он вовсе не обязан неумной страсти его родителей к сериалам, одно время так захватившим умы нашего народонаселения. Это явление произошло по именам новорожденных уже позже, но, тем не менее, каждое десятилетие в стране не проходило бесследно, и вслед за своими героями, в тот момент находящимися на пике популярности, родители также вносили свою лепту в поддержку героических свершений страны, называя своих детей согласно требованиям того «героического» времени.

Сейчас уже трудно припомнить всех тех героев той эпохи, в честь которых появились столь приглядные имена, и за которые так благодарят родителей их потомки. Так что не будем вникать во все эти перипетии истории, изыскивая связующую нить между нашим героем и, когда-то бывшим, героем дум его родителей, какой была эта нить – так и осталось неизвестно ему, а теперь и нам. И, естественно, нам был озвучен только конечный вариант этого имени, так звучно гремевшего на просторах нашей необъятной страны, когда в наш дом вошло само понятие сериала. А сколько было придумано вариаций для этого имени, пишущегося через

дефис, звучащих в устах одноклассников (а также же невоздержанных и невоспитанных временных жизненных попутчиков) – вовсе не сосчитать. А сколько разбитых носов и бланшей под глазами сопутствовали становлению этого нового имени (вместо старого), то тут только участковый может внести ясность.

В чём-то наш герой даже несколько благодарен этому своему несуразному имени. Ведь защита им своего имени, укрепило в нём дух, и заставило окружающих считаться с ним, и видеть в нём не приложение к имени, а его определяющую существенность.

– Да, Альберто? – и только суровый взгляд Лу, был мне ответом.

Что сказать, уже к тому возрасту, в котором мы его встретили, он имел практически всё. «Опять загадки?», – скажет придиричивый читатель, и я с ним полностью соглашусь. Дело в том, что наш герой не указал своего точного возраста, но охарактеризовал его, как средний период жизни, наиболее подверженный кризисным явлениям. «Ну, а что он имел ввиду под словом „всё“?», – всё не отстаёт пытающийся вникнуть во все нюансы дела очень придиричивый читатель. Что ж, попытаемся в общих словах это разъяснить. В начале своего жизненного пути, как и многие другие на этом свете, Лу мог себя причислить к клубу с названием... ну, скажем – «До». Шло время, его труд был вознагражден, и он уже был зачислен в клуб – «От и До». Дальше, опять же благодаря времени и ещё большему труду, Лу достиг самых верхов и его зачислили уже в клуб – «Свыше».

Ну, а что же касается самой этой его клубной жизни, то хотелось бы сразу внести некоторую ясность и выяснить, что же всё-таки он имел ввиду под этой своей клубной классификацией «До» и «Свыше», и есть ли здесь какая-то взаимосвязь между входящими элементами внутри этих ограничительных параметров. Что тут сказать: данная классификационная клубная модель подходит, как к возрастным, так и к определённым финансовым группам, хотя при этом между ними никак не прослеживается какая-либо существенная взаимосвязь. Наш же герой, по всей видимости (а я весьма неплохо читаю внешность, и могу вас заверить в этом), по обоим параметрам вполне подходил в клуб – «За и Свыше». Но опять же, чем он больше становился – «За», тем чаще он заглядывал назад в прошлое, вспоминая с горечью своё – «От и До», и с тихой грустью – своё «До».

Как уже говорилось выше, наш герой имел всё, и конечно, можно было бы потратить пару листов для описания некоторой толики его богатств, но ведь как бы ты красочно не описывал всю роскошь богатства – для всех и для любого в частности, это всего лишь будет сухая статистика в виде цифр и букв. Человек же никогда не будет удовлетворен тем, что слышит бога, ему нужна видимость, и только тогда его безверие откинет приставку, став полноценной верой. Так и богатство только тогда обретает свою существенность, когда через эту свою видимость и приобретает свои черты. Но и это не всё. Так от блеска роскоши в глазах наблюдателя начинает рябить, а сердце бешено колотиться, пытаясь достучаться до вас с мыслью: «И я того же хочу!». И вам уже мало лицезреть его, вы уже хотите ошутить его физически, жажда купаться в нём, ну, или как бюджетный вариант, хотя бы попробовать на зуб. Так что, зная природу человека, я решил оставить за пределами описания все эти подробности мирского быта нашего героя и сконцентрироваться на других залежах существенности, присутствующих в жизни нашего героя.

«Ну хорошо, в этом плане как будто всё в порядке, ну а что же на семейном фронте?», – требуя разъяснений, заволнуется женская половина. Ну, а на семейном фронте, после того как он заменил жену с большим пробегом на вон ту, молодую, всегда готовую тратить его деньги – пока что без перемен.

– Да, милая, – смотря в зеркало, говорит Лу.

– Я сейчас, только крашусь, – следует ответ пухлогубого глянца.

– Да, конечно, – натянуто отвечает Лу, размышляя про себя. – Всё-таки она обманула меня, скрутив свой счетчик.

– Ну, с ним всё понятно, – услышится сердитый голос всё той же женской половины.

А что, собственно, понятно? Вот мне всегда было не понятно, вот это самое «понятно», звучащее, как выносимый приговор субъекту мужского рода. А ведь это и есть приговор, вычёркивающий данный образец внимания из списка потенциальных, как любят нынче говорить, бой-френдов. Так и представляется этот список, составленный одной весьма смышлёной дамочкой, не пожалевшей на эти цели использовать свой красивый блокнот из коричневой кожи:

«Только Проша!

– Не на одном нём свет клином сошёлся.

– Проша может и подвинуться.

– И Алишерка, тоже ничего.

– Да неужели... (Далее всё размыто, по вкусу скорее похоже на слёзы с чернилами)».

Ну и дальше, в том же женском духе. Конечно, Лу мог бы привести массу доводов в свою защиту: и что он подождал, когда его будущая супруга из подростка оформится в женщину, и даже не держал её на поводке обещаний в съёмной квартире, да и вообще, ему далеко до тех высот, с каких на женский пол смотрит Прохор. Но давайте не спорить, и оставим хоть чуть-чуть неясности и непонятности, которые и будем преодолевать в процессе нашего повествования.

– А есть ли у нас выбор? – саркастически подмигнет мне либерал.

– Пожалуй, что нет. Ведь здесь автор – полноценный тиран, и он не потерпит на своих страницах чужого вольнодумства, даже и не претящего ему. – Тонем, нетерпящим возражения, заявлю я, чем лишу дара речи этого (впрочем, как и любого другого) либерала.

– Хм. А напустили-то тумана и таинственности. А мне всё уже и так ясно и понятно о чём вы тут талдычите, – вновь вмешивается тот весьма проницательный читатель, которого, как он говорит, на мякине не проведёшь.

– И в чём же загадка? – в ответ поинтересуюсь я, сам ещё находясь в процессе поиска сюжета.

– А ничего особенного. Кризис среднего возраста у вас, молодой человек, – смотря на нас со стороны, самодовольно заявит сей, весьма проницательный наблюдатель. Затем понаблюдает какой эффект произвели его откровения и снисходительно добавит, – Это мы уже проходили, в своё время.

Что ж поделаться, к старшим мы испытываем уважение и трепет, и значит, не можем не принять к сведению эти его замечания. Но не таков видимо Лу, и он весьма критично относясь к данному заявлению в свой адрес, в связи с чем высказал по этому поводу уже свои соображения.

– Может быть и так, но я имею на этот счёт своё собственное мнение. И по мне, это вовсе никакой не кризис среднего возраста, в названии которого поучаствовала женская половина, а будет вернее назвать его открытием второго дыхания.

– Да, да, конечно, – снисходительно кивает проницательный тип, который «много плавал» и знает.

– И я ещё раз скажу, у меня никакой не кризис, а просто открылось второе дыхание. И я ещё имею право на одну большую мечту, и может даже ещё на одну маленькую, – с жаром заявляет, метушийся из угла в угол Лу. – Вот только мечта не просто дымка, навеянная из ниоткуда. Она формирует свои черты на основе возникновения внутренней побудительности на внешний раздражитель, который, в какой-то момент кажется не достижимым.

– Как-то мудро сказано... Но всё же, в чём проблема? – уже задамся вопросом я.

– Раздражители может быть и есть, и даже многое меня раздражает, вот только они не трогают мою душу, которая и является генератором этой мечты. – проговорил Лу, задумался и задался вопросом. – Так что же будем делать?

Глава 2

– Так что же будем делать, – вторил ему Консультант, сидящий напротив Лу в мягком кожаном кресле.

– Может, начнём всё сначала, и вы заново меня введете в курс дела, а то первое введение было слишком отвлеченным и, пожалуй, увело нас совсем в другие дебри, – после небольшого обдумывания, предложил Лу.

– Ну что ж, настоящее время – ваше, и вы вольны его использовать так, как вам заблагорассудится, – широко улыбаясь, ответил Консультант. – Так вот, самое большое человеческое заблуждение касается его прошлого, о котором, как ему кажется, он всё знает. Но хочу вас заверить – это совсем не так. И ведь знаете, практически все хотят, хоть на мгновение, да побывать в прошлом, чего, в свою очередь, не скажешь про будущее. Конечно, есть и те, кто бы хотел заглянуть и в будущее, но между этими двумя желаниями есть одна существенная разница. Если, в прошлое многие хотели бы заглянуть и посмотреть на него в своём прежнем обличии, но с новым багажом знаний – то будущее всем интересно уже опосредованно от самого себя. Ведь мало кому захочется узнать и, тем более, увидеть себя в будущем. Но вот допустим, вам представилась возможность попасть в своё прошлое. Как думаете, что вас там ждёт? – облокотившись на стол, спросил Консультант у Лу.

– Трудно сказать, наверное логично будет сказать, что прошлое? – вопрошительно ответил Лу.

– Конечно, с логикой трудно спорить, – улыбнулся Консультант, – но логично и другое, что прежний ваш мир, увиденный сегодняшним «вами», будет совсем другим, чем вы видели его прежним «вами», и который отложился в вашей памяти. И боюсь, что вас может постигнуть разочарование. Ведь прошлое, это те же грёзы, имеющие одну общую субстанцию с твоей мечтой. Грёзы о прошлом, или воспоминания, просто уже имеют сформировавшуюся картинку и мало подвержены изменениям, когда, как грёзы о будущем – ещё находятся в процессе формирования, и поэтому ваши мыслительные движения в зависимости от внешних обстоятельств привносят в них свои качественные изменения. И вот ты «теперешний», смотришь на свой прежний мир, и он уже не тот мир, который зафиксировался в твоей памяти. Это совсем другой мир, здесь всё для тебя будет выглядеть иначе. Ведь ты на него смотришь совсем с другого ракурса и позиций. Твои жизненные ценности уже давно совсем другие, и чему ты раньше придавал значение, потеряло для тебя всякий интерес. Ты знаешь многое, и многое повидал, тебе уже не интересны те вещи, которые когда-то волновали. Твои прежние побуждения и мечты, которые жили в тебе, оказываются в заключении твоей сегодняшней циничности, с лёгкой руки называемой нами реализмом. Но, с другой стороны, ты замечаешь то, что раньше уходило от твоего внимания, ты можешь давать более верные оценки окружающему, имея при себе более значительный запас знаний. Ты сможешь отбросить тот весь ненужный мусор в твоих отношениях с миром и допонять то, что раньше не мог. Но всё же, в тебе уже нет того юношеского задора, позволявшего тебе легко, перенося невзгоды, двигаться вперед. Нет, конечно ты сможешь преодолевать препятствия на своём пути, но ты уже не так лёгок на подъём, и всё делаешь с трудом, уже полагаясь совсем на другие свои качества, на какие ты так привык отталкиваться в своих сегодняшних действиях. Вместо юношеской смекалки – ты выдвинешь вперед свой жизненный расчёт, вместо радостного веселья – ты одаришь всех саркастической улыбкой. «Задорный и взбалмошный» – будут вычеркнуты из твоего списка отличительных качеств с заменой на «бесстрастный и усидчивый». Ну, что скажите. Вас не пугает такая перспектива? – серьезно спросил Консультант.

– Ещё не решил, но так хочется, хоть одним глазком взглянуть на прошлое, – ответил ему несколько взволновано Лу.

– Ну, взглянуть одним глазком можно и обратившись к своей памяти, – бесцеремонно заметил Консультант. – Но, как я понимаю, всех интересует именно осязательные ощущения, возможность пощупать и вдохнуть запаха прошлого. Эта жажда окунуться с головой в прошлое перечёркивает все опасности сопряженные с этим.

– Говори, я должен знать всё, – среагировал Лу.

– Чтобы понять, как это всё работает – надо усвоить для себя основные принципы, на которых базируется наша работа. Ведь что такое прошлое для нас, настоящих. Это то же самое, что и будущее, и настоящее, а именно: информационный поток, существующий в своих определённых пределах времени. И каждый из нас, это в своём роде некая материальная субстанция, являющаяся, как самим источником информации, так и её носителем, записывающим информацию на свой жесткий диск, чтобы в дальнейшем трансформировать её в генотип и передать дальше по цепочке, тем самым не разрывая единую информационную сеть. Так вот, каждый из индивидуумов занимает в этой глобальной информационной сети своё целевое информационное поле, даже, вернее будет сказать, шлюз, с помощью которого он и прокладывает свои жизненные маршруты.

– А попроще как-нибудь нельзя? – не уловив смысла, спросил Лу.

– Это только вначале трудно понять. Дальше будет легче, – заверил его Консультант.

– Ну, продолжай. Попробую понять.

– Так вот. Как говорится, человеческий путь тернист и нелегок. Так у каждого в жизни случаются знаковые события, вносящие в его жизнь свои существенности, которые и приводят к системным изменениям в жизни человека. Мы такие узловые жизненные моменты назвали точками сохранения. Что позволяет на основании биографии человека, воссоздать примерную схему нахождения этих узловых моментов. Конечно, она даёт только общее представление маршрута выбранного пути человека, и много моментов скрыто от нас, но, тем не менее, на основании этой схемы можно работать с индивидуумом, – на одном дыхании выпалив это всё, Консультант перевёл дыхание и, выпив воды, продолжил. – Это ведь только в фантастических фильмах перемещают людей в прошлое, как материальное целое. А как я уже говорил, прошлое – это всего лишь информационное пространство, а человек – это всего лишь часть этого пространства, и его нынешняя материальность, как информационная составляющая, просто не сможет переместиться назад из-за несовместимости информационных форматов. Другое дело, если переместить в прошлое твоё я, состоящее из твоей информационной памяти, записанной, как образно говорится, на твой жёсткий диск. Ведь что такое человек? Всего лишь определённый набор информации, и всё. И вот мы, направляя информационный набор сегодняшнего «я» человека по маршруту его прошлого следования, и получили возможность переместить его в любую узловую точку его прошлого. – Закончив на этом Консультант, уставился на Лу, ожидая от него реакции.

– Подождите. Я как понимаю, моё сегодняшнее «я» можно переместить в любую точку моего прошлого. Так ведь? – взволнованно спросил Лу.

– С весьма большой вероятностью, – улыбаясь, ответил Консультант.

– Но, а как насчёт того, моего прошлого «я». Куда оно денется, если в его голову поместится моё сегодняшнее. Да и моё сегодняшнее «я»... Как оно будет функционировать? – с сомнением спросил его Лу.

– Всё просто. Методом размена. Ваше информационное «я» помещается в один из узловых периодов прошлого, когда тогдашнее «я» заменяет ваше сегодняшнее. – Ответил Консультант.

– Хорошо. Допустим так. Но как попасть именно в намеченную точку прошлого?

– Здесь, конечно, сложнее. Ведь, почему мы можем попасть только в узловые точки вашего пути? А потому что информационный поток в своём течении, как бы запоминает эти

неровности и, благодаря уже этой информации, мы и можем осуществлять наш трансферт. Вот только для точности выбора места обмена, нам нужна дополнительная информация.

– И какая же? – спросил Лу.

– Видите ли, для того чтобы осуществить наш трансферт, нам необходимо смоделировать ситуацию присущую вашему прошлому. И уже в зависимости от неё, мы можем более точно определить тот временной отрезок, куда будет осуществлен трансферт, – сказал Консультант.

– Что-то не совсем ясно, – подумав, заметил Лу.

– Предположим, если вы в двадцать лет прыгали с парашютом, то тогда (если вы хотите осуществить своё перемещение в то время), для технического обеспечения обмена, необходимо сейчас организовать ваш прыжок с парашютом, – объяснил Консультант.

– Нет, с парашютом я, пожалуй, прыгать не буду, – засмеялся Лу. – Ну, а допустим... Ведь можно и в туалет сходить. Сколько я себя помню – эту процедуру я ещё ни разу не пропускал! – не переставая смеяться, закончил он.

– Можно конечно и это попробовать, но только в этом случае существует вероятность разброса времени вашего попадания в прошлое. А вдруг обмен произойдёт с вашим годовалым «я»? Представляете, что будет?! – серьёзно проговорил Консультант.

– Всё-таки этот момент с моим прошлым «я», мне надо поподробней объяснить, – попросил Лу.

– Давайте рассмотрим ваше прошлое годовалого «я», а это одна из точек сохранения, присущая всем живым организмам. Ведь на ранних этапах становления индивидуума, многое находится во власти природы, и она, следуя своим, только ей известным путем, наделяет своих детей набором качественных характеристик, на основе которых они и будут существовать в этом мире. Так вот, первые шаги у многих практически неотличимы, но уже по мере становления индивидуальности, в каждом проявляются те характеристики, на которые природа сделала ставку. Конечно, индивидууму это не нравится, и он, как правило, все заслуги в своих успехах присваивает себе, а в случае же неудач, всё сваливается на природу: «Что ж поделаешь, такова моя природа!». Так вот представьте: одна из первых ваших точек сохранения – это ваши первые шаги в этом мире. А вы ведь только лишь и обладаете инстинктивным разумом и набором рефлексов. И вдруг мы производим обмен с вашим набором памятливого багажа. Как думаете, что будет? – задался вопросом Консультант.

– Мне, наверное, будет забавно, – ухмыльнулся Лу.

– Возможно и так. Но ваше годовалое «я», переместившись сюда в ваше сегодняшнее, пожалуй, тоже вызовет некую сумятицу в умах ваших знакомых. Но дело в том, что тогда можно будет поставить крест на вашем возвращении, а вы, с умом годовалого ребенка, пожалуй, отправитесь радоваться в какое-нибудь закрытое учреждение, с такими же «сообразительными» индивидуумами. – Резюмировал Консультант.

– Поймите! Ведь тогда произойдет и изменение прошлого, со всеми её немислимостями, – в ответ заявил Лу.

– Опять в вас говорит что-то почерпнутое из фантастических фильмов. Как же они там заявляют? А, вот как: если ты изменишь что-то в прошлом, то это приведёт к глобальным мировым изменениям, и чуть ли не приведёт мир к гибели. А вот мы имеем на этот счёт совсем иное мнение. Во-первых, ты ничего не сможешь изменить, даже если твои поступки будут отличаться от прежних – для общего информационного фона они будут настолько ничтожно значимы, что пройдут бесследно. В другом же (может, в каком-нибудь знаковом случае, уже имеющим весомое значение для вселенского информационного потока), тот же информационный фон не даст тебе возможности поступить как-то иначе, и вмешается в твою жизнь. Мы ещё это называем судьбой. Так вот, по поводу вашего годовалого «я». Ведь для того чтобы произвести обратный обмен (скорее – размен), необходимо чтобы все те же действия, которые вы произвели сегодняшним «я», в синхронизации с вашим «я» прошлым, были проделаны

в той же последовательности, только уже вашим прошлым «я», но в наше время. Так вот, я не думаю, что нам как-то удастся убедить ваше годовалое «я» проделать какие-либо подобные манипуляции. Что касается вашего сегодняшнего «я», то попав в тело годовалого себя, вы со временем постепенно (ввиду не совместимости ваших файловых систем) растеряете имеющийся при вас памятный багаж. Что, в итоге вернёт всё на круги своя, и вы (как бы прожив также всю жизнь), дойдя до порога вашего обмена, как бы впад в детство, вновь закончите вашу жизнь в доме для умалишённых. – По окончании сказанного, слишком демонстративно Консультант развёл руками.

– Ну, хорошо. Этот момент я понял. Ну, а как же быть в случае обмена с моим более развитым «я»? Разве для него не будет шоком этот обмен? – слишком любопытен Лу.

– Для этого случая у нас подготовлена группа психологов. Да и вы, я думаю, не останетесь в стороне и оставите для себя послание, – ответил Консультант.

– Ясно. Ну, допустим, всё прошло гладко. Кстати, сколько это всё идёт по времени? – спросил Лу.

– Я думаю, что оптимальное время всё-таки будет где-то 48 часов. Как бы круг возврата, – ответил Консультант.

– В принципе, нормально. Ну ладно. Так вот, разве для моего прошлого «я», полёт в будущее пройдет бесследно? – спросил Лу.

– А разве вы ощущаете на себе его последствия? – неожиданно спросил Консультант.

– Что-что? – вскрикнув, ошарашено подскочил со стула Лу.

Консультант же тоже не удержался, и вслед за Лу поднялся со своего кресла.

– Что ты имеешь в виду? – нервно трясая за пиджак Консультанта, изменившейся тональностью звука режет ухо Консультанту Лу.

– Я прошу прощения за свою, как уже понимаю, неуместную шутку, – попытался отговориться, ослабившись, Консультант.

Лу же, удивившись про себя подобной своей реакции, заверил Консультанта, что всё нормально и продолжил беседу.

– Так вот, – начал Консультант, не отводя взгляда от Лу, – ваше прошлое «я», побывав в будущем, не сможет унести в свое настоящее память об этом. Как я уже говорил, его файловая система (прошу меня извинить за мой технический язык) не сможет воспроизвести информацию, полученную в будущем, вернее сказать – она для него самого будет только срезом из остаточных вкраплений. Так и возникают у людей в жизни различные дежа-вю или какие-нибудь предчувствия, а у некоторых даже появляется дар предвидения, который они с пользой для себя и эксплуатируют. У этого «я», скажем так, не будет «драйверов» для этого. Но все же, такие люди, вернувшись назад, всего вероятней будут воспринимать случившееся как сон, или же, как фантазию. Со временем эта информация будет так далеко отложена в камеру хранения памяти, что и вовсе забудется. Наша память копирует все, что попадает ей в угол ее зрения, но со временем, по мере накопления, память сжимает информацию для увеличения объема свободного места. Так что мы, в принципе, можем, получив доступ к вашей памяти, отжать (ой, оговорился), нет, разжать информационную составляющую памяти, и на основе ее воспроизвести ваше прошлое, и даже, возможно, сможем его смоделировать.

– Вот как, – удивился Лу. – Ну, а как насчет будущего?

– Пожалуй, что никак. Мы для будущего – устаревшая информационная составляющая, не обладающая нужными для перехода свойствами. Более совершенная система имеет больше возможностей, и поэтому обмен и возможен только при точке старта из будущего.

– Хорошо, это ясно. А вот другой вопрос. А если вдруг мое прошлое «я» возьмет и не захочет возвращаться назад. Как вам такой вариант? – спросил с усмешкой Лу.

– Ну, это все же будет для вас новым вариантом. Но, если серьезно – это существенный риск. И уж в данном случае все зависит только от вас. Вы должны проанализировать вашу

жизнь и понять, на кого из прежних «я» вы можете положиться, или же, хотя бы не стать жертвой вашего ситуационного «я», для которого побег от себя станет решением всех его проблем. Ведь психологический аспект во всем этом эксперименте (наряду с технической реализационной составляющей) играет весьма немаловажную роль. Здесь наряду с тем, что от вашего прошлого «я» могут выявиться опасности, также опасности могут исходить и от вашего сегодняшнего «я». И я ни в коем случае не имею в виду именно вас. Мы в своей работе не пытались создать нашу программу в целях решения чьих-то жизненных проблем, через их побег из реальности. Неизбежность – на то она неизбежность, что ее не минуешь. Хотя, если опять же подойти к процессу с позиций киностереотипного мышления, то судя по киноклассике – путешествия во времени создаются лишь для того, чтобы путем исправления ошибок в прошлом, решить свои насущные проблемы. Но это романтический подход к реальности. Мы же четко понимаем все реалии и аспекты психологических проблем, возникающих при обмене. Так что психологический портрет потенциального трансферта нам, безусловно, нужно учитывать. Ведь велико искушение, допустим, у неизлечимо больного, спрятаться от болезни в прошлом, и хоть на свое время, но оттянуть неизбежность. Так что у нас есть свой список категорий людей психически неподходящих для трансферта.

– Видел я много разных людей. Меня обманывали, я отвечал взаимностью, но разве можно захотеть обмануть себя... – задумчиво продекларировал Лу, после упоминания про неизлечимо больного.

– Ну, для него его прошлое «я», видимо, уже не является им. Да кто уверенно заявит, что вы в прошлом, и сейчас, спустя годы – есть одно и то же лицо. Ведь в вас, скорее больше разного, чем схожего, и даже вон тот пройдоха больше смахивает на вас, в те ваши беззаботные годы. Да и вы-то сами, хорошо ли себя знаете? – спросил Консультант у Лу.

– Да, пожалуй, этот вопрос не так легок, как мне казалось вначале, – задумавшись, сказал Лу.

– Вы ведь, наверное, не раз слышали о людях, ведущих размеренную и спокойную жизнь, как вдруг, будто в них вселяется другой человек, и с этого момента, они уже всё, не могут жить по-прежнему, идут в разнос, перечеркивая свою прежнюю жизнь. Кто знает, может из-за сбоя в информационной сети в них и находит пристанище их прошлое «я», которое не желает той жизни, которую ведёт его последователь. – Закончил Консультант.

– Понятно. Вокруг одни проблемы, – встав с кресла, заявил Лу.

– Что поделаешь, нам надо учитывать все возможные факторы, влияющие на ситуацию, – приподнявшись следом за Лу, ответил Консультант.

Лу же, пройдясь по кабинету из стороны в сторону, слегка посредоточивался, как бы отдавая дань разумному размышлению, а вероятнее всего, целью его данных движений было желание только лишь поразмять свои затекшие ноги. Затем, решив, что сидя всё-таки сподручней вести разговор, вновь водрузился на своё место.

– Вот мы уже сколько беседуем, а вы мне ещё даже ни разу не разрекламировали эту услугу, а только выказывали все сопутствующие с ней проблемы, – выразил своё мнение Лу.

– Но ведь эта услуга ещё не обрела качество товара, а вам, как разработчику, нужно знать все детали проекта, и в особенности связанные с ним проблемы. Ведь только вам решать её будущее, – ответил Консультант.

– Всё верно, и ты, пожалуй, сидишь в своём кресле по праву, – сказал Лу, вновь встал и проговорил. – Значит так. По всему услышанному я кратко резюмирую: моё сегодняшнее «я», как багаж индивидуальных знаний, заменяют на выбранный мною другой багаж, находящийся в багажном отделении моего уже прошлого «я»; при этом, для точности определения периода обмена, мне необходимо найти в современности кальку моих прошлых привычек или поступков, чтобы в результате синхронизации этих действий сделать информа-

ционный вброс для обмена с прошлым; а дальше у меня есть 48 часов для своей новой жизни в прошлом. Так, что ли?

– Ну, в общем, всё верно, кроме небольших деталей, – ответил Консультант.

– Ну, с деталями мы разберемся позже. Так что на сегодня, я думаю, для меня хватит информации, – сказал Лу, непонимающе посмотрел на Консультанта, но потом поняв, что он сам прибыл сюда для проверки хода работ, повернулся и направился к выходу.

Глава 3

«А мне-то представлялось, что техническая часть будет наиболее трудоёмкой!», – размышлял по дороге из офиса к своей машине Лу, а уже выходя из здания своего проектного центра, резюмировал: «Что ж, сейчас нужно ехать на встречу в ресторан, а уж вечером, можно будет более детально изучить этот вопрос».

Что сказать, у каждого человека, от того, насколько он независим от такого внешнего фактора, как его места под солнцем, жизнь строится согласно им определённого плана. Или может быть, уже сам человек встраивается в чей-то, там, наверху задуманный план. Так жизненный цикл рабочего осуществляет своё движение по малому недельному кругу, который разбивается на дневные сектора, которые в свою очередь, в зависимости от дня недели, делятся на часовую константу. Ну, а рабочий день для служащего строго регламентирован на рабочие часы (от восьми до двенадцати) и остаточные часы отдыха. По окончании же пятидневной рабочей недели, он может, без зазрения совести забыть о своей работе. К тому же, кроме этого малого круга существует ещё один, большой годовой круг, делящийся по тому же принципу, что и малый. Так, одиннадцать рабочих месяцев в конце года сменяет один месяц отпуска.

Что же касается тех, кто, как им кажется, решает судьбы и вносит конструктивность в жизнь человека, то их жизнь нормирована своей ненормированностью и ненормативностью. Они не могут жить в чётко запланированном мире. Ситуационность, вот что движет этой частью человечества, у которого в подчинении столько человеческих судеб. И ведь, что интересно, что такой значимый человек, имея столько подчиненных, и сам в своём роде оказывается в подчинении у этой жизненной ситуации. Так бы и сказали: его жизнь подчинена служению и т. д. и т. п.

«Ну а как же сопутствующие его положению возможности, власть, богатство. Разве это не достойная плата за его, так называемую подчиненность?», – спросит достойный, как он думает, большего. «Почему бы и нет!», – соглашусь я. – «Вот только они, почему-то, всё больше находятся в подчинении у этих самих сопутствующих вещей, как богатство и власть. Даже не знаю и почему!». «Вот когда узнаешь, тогда и скажешь, а сейчас лучше не говори о том, в чём не разбираешься!», – заметит грозный господин в золотой оправе для очков.

Лу же, садясь в свой автомобиль, называет адрес водителю, и они мчатся на очередную его встречу в ресторан. Там у него запланирована аудиенция со своими давними партнёрами, а также с несколькими блюдами из меню ресторана. Если с первыми всё более менее ясно, то со вторым объектом встречи – ещё решение не принято. Желудок ещё с утра (почему-то?) очень сильно разговорчив, и это обстоятельство слегка беспокоит нашего героя.

Ведь, кажется, нет причин для этого, и он не особенно много, или скажем так, относительно немного вчера выпил, и при этом даже не был непоследователен в своих действиях, укладываясь спать, где не попадая, а целеустремлённо взял, и спокойно лёг в кровать. И ведь совсем не важно, что в ней в тот момент уже присутствовала парочка так влюбленных друг в друга гостей. Разве им жалко уголка кровати, где так мирно улёгся уставший хозяин квартиры. И что страшного в том, что он слегка помят и невкусно пахнет из-за пролитого на себя вина. А разве грязная обувь может встать между ними. Хотя, её всё-таки надо было поставить на пол, а не в виде разделительной полосы на кровать.

Но нет, и они даже не снизились до понимания уставшего хозяина, и уже после словесной перепалки, выдворились куда-то вон из дома. А ведь он всего лишь хотел поделиться своим теплом с незнакомыми для себя людьми. Правда, надо признаться, что в тот момент он вряд ли мог кого бы то ни было узнать, уж больно он был удручён выпитым. И поэтому он, столкнувшись с таким непониманием, не найдя для себя успокоения в кровати, расчувствовался, и всю меру своего огорчения выплеснул на свою домашнюю прислугу, в частности на телохранителей. Где в особенности досталось тому, энергично подающему надежды, а ещё, по настойчивому требованию хозяина, подливающего вино в бокалы.

Скажите, что это не входит в его обязанности? Отвечу: «Скажите это вон тому типу, от которого зависит ваша зарплата и, в данный миг жизнь, так как ваше оружие в данный момент находится в его руках и направлено на вас». Но Лу надоедает махать оружием, его вновь окутывает меланхолия, и он, присев на ступеньку, погружается в задумчивое созерцание отражения самого себя в своих лакированных туфлях.

Трудно сказать, чем ему не угодил тот тип в отражении, но, видимо, его гримасничанье совсем не пришлось по нраву нашему Лу, и он, вскипев от бешенства, схватив бокал, со всего маху угодил им в ухо нашему подающему надежды охраннику. И ведь всегда такая напасть, как только решишь засветить бокалом кому-нибудь в глаз, то непременно промахнёшься и скорее разобьёшь его об пол рядом с собою, чем попадешь в цель, а тут – такая неожиданная удача. Ну и поделом охраннику, раз не смог оградить тело хозяина от ударов судьбы, так что всё по делу и по существу. Ведь душа, терзаемая сомнениями (в свою очередь усиленными парами алкоголя), также не даёт покоя и телу. И она все свои душевные порывы берёт и переносит вовне, тем самым, заставляя это тело принимать на себя различные удары судьбы в виде падений с лестницы и неудачных проходов мимо косяков. Но всё же, в конце вечера, он, то ли от потери сил, то ли скрученный охраной (что является наветом не благожелателей), был всё-таки водворен в комнату и уложен назад в кровать.

А ведь утром никто из охраны и не заикнулся о его вчерашних поползновениях дать кому-нибудь из них в нос. Так что версия о том, что он был вчера кем-то из охраны скручен, не выдерживает никакой критики. Правда, судя по виду одного из охранников, ему всё же удалось заехать одному из них в ухо. Но ничего страшного, видимо, он был туг на ухо, и Лу пришлось разрядить обстановку непонимания с помощью таких действенных методов. На то он и слуга, чтобы находить общее понимание со своим хозяином.

Конечно, сейчас не те прежние времена, когда слуга был опорой и почти членом семьи хозяина. Сейчас эта категория людей называется «наёмный персонал», и от него уже не стоит ждать той преданности и верности, так присущей слугам прошлого. И теперь на место obsługi пришёл интерьер, необходимый для обозначения твоего общественного статуса. И ведь какие-то слова неживые всё чаще употребляются по отношению к казалось бы живым людям. «Телохранитель», тоже что и валенок – «ногохранитель», можно смело употреблять к любому виду согревающей одежды. «Бойфренд», здесь хоть слово и заимствовано из иностранного лексикона, но в адаптации к нашим реалиям можно только употреблять: бл... ть, бл... ть... – так и слышится эхо от крика очередного френда твоей подружки, после того, как ты покажешь ему свой бой.

Но что же наш слегка удрученный охранник? Вот Лу выходит из дома, чтобы отправиться на встречу и, проходя мимо охранника с разорванным ухом, смотрит на него немигающим взглядом. И что вы думаете случилось дальше? «Что, что. Да зарядил ему охранник так, по самое не хочу, что Лу и забыл про свои помидоры, летя кувыркком через свою голову!», – выдвинет свою версию очень справедливый человек. Но в мире нет справедливости, или же может потому, что всё же слуги никуда не исчезли, а поселились глубоко в человеческой душе. А в нашем охраннике, как раз по хозяйски и расположился один из них, и которому для его комфорта проживания не нужны никакие честолюбивые тревоги человеческого я.

Так что наш Лу, не встретив сопротивления, ни свободного духа охранника, ни собственной совести, спокойно добрался до своего автомобиля, где, садясь в него, решил, что разодранное ухо охранника, будет портить интерьер внешнего фасада дома, и что, вообще, раз он не смог себя оградить от пьяных поползновений – то тогда и его, Лу, сохранность находится в опасности, – то надо бы его уволить. А пока что у него есть более важные дела, и он, сев в автомобиль, унёсся на встречу, где мы и застали его беседующим с Консультантом.

Но вот Лу прибыл в ресторан, где у него должна состояться встреча с его партнёрами по бизнесу. Хотя, по большому счёту, эта встреча скорее была заседанием нескольких давно друг друга знающих людей, собирающихся за столом, чтобы за между прочим (их бизнес), перекинуться своими мыслями по поводу современной событийности, пытаясь тем самым понизить свой дефицит общения. «И даже как-то странно об этом слышать!», – могли бы они возразить, не подумавши.

Ведь казалось бы, что при всей их общественной жизни, когда приходится быть в гуще событий, когда к твоим словам не просто прислушиваются, а исходя из них делают выводы и прогнозы, разве может возникнуть какое-то подобие (как там назвали?) дефицита общения. Но мы не будем их переубеждать, да и не сможем, ведь демагогия их конек, и они в два счёта заткнут нам рот. И мы даже не станем заглядывать в глубину их души, откуда исходит эта волнительная побудительность, заставляющая их раз за разом встречаться вместе в одном и том же месте. Пусть это останется на их...? Их, а вот на чём, то я, пожалуй, и сам не знаю.

Что же рассказать о тех великих людях, с кем так часто столовается наш Лу. Ну это были его старшие деловые партнёры по ведению бизнеса, как в плане владения инвестиционного портфеля, так и в плане возраста. Лу же для них, несмотря на его положение, был своего рода ученик, типа Пралинского, которого они учат уму-разуму. Им импонировал их прилежный, внимательно слушающий ученик, и от этого они, даже иногда выпив лишнего, рассказывали также немало лишнего, чего в принципе не следовало бы делать. Ну а Лу не видел в этом для себя (в таком к себе отношении) ничего обидного. Он слушал их разглагольствования и, поддакивая им, только смеялся про себя, а уже когда оказывался у себя дома, сверяя баланс поступивших средств, и вовсе разрывался от смеха.

На этот раз за столом, кроме его известных партнёров, чьи имена мы не будем раскрывать в виду их большой известности, ведь эта их известность является той веской причиной, чтобы не предавать их имя известности, иначе сопутствующие с их стороны известные шаги, приведут к известным последствиям (да чтоб тебе пойти подальше по известному адресу!!!). В общем, вместе с ними за столом находилась ещё одна известная (своей известностью) весьма колоритная личность. Весь внешний вид которой: взъерошенная причёска, костюм, свободный от правил сопоставимости, как цветовой гаммы цветов, так и предметов входящих в ансамбль, не оставлял вам сомнений в принадлежности этого типа – это был представитель прогрессивного человечества.

«Но вы что-то уж совсем заговариваетесь, заявляя о принадлежности. Разве может либерал кому-то принадлежать? Заблуждаетесь господин... Как вас там?», – возмутится сей тип человеческого я. «Да, конечно, прошу прощения. Ведь я совсем забыл, что свобода это дорога с односторонним движением!», – пытаюсь оправдаться я. Но что же делает здесь, среди нас, простых смертных, сей выдающийся человек? А оказывается всё просто. Они, представители сего свободного течения, ещё не достигли всех вершин свободы и скорбно должны признать, что всё-таки земное, человеческое, зачастую берёт в них верх, и им приходится идти на поводу требований их желудка. В общем, скажу без всякой патетики, наш Веня (а именно так звали эту выдающуюся личность) был приглашён на обед нашими деловыми партнёрами, дабы он мог внести свои предложения по дальнейшей деятельности спонсируемого нашими партнёрами проекта просветительной направленности в сторону тех ценностей, которыми доро-

жили его спонсоры (вот так у них всё и всегда непонятно, или же свободно от смысла звучит). Иначе сказать, наш Веня был рупором, глашатаем свободной мысли, ещё треплющейся в головах у некоторых представителей большого бизнеса. И он как любой рупор, имел громкий голос и стальные нервы, но при этом для смазки его связок всегда требовались дополнительные средства, ради которых он и присутствовал здесь, в кругу сильно-уважаемых им господ.

Веня же, прибыв на встречу и, решив, что на голодный желудок трудно соображается (да к тому же и отказываться совсем невежливо), и поэтому, не долго думая, последовал примеру приглашающей стороны и накинулся на мясные блюда, дабы восполнить свой запас железа, так необходимого для твёрдости его убеждений. А ведь голод имеет странный побочный эффект, так с его возникновением ваши убеждения начинают терять свои силы, подтачиваясь сонмом сомнений, и в твоей голове уже зреет провокационный, неумолимый вопрос: а стоит ли оно тех жертв? На который, в конце концов, всегда слышится один и тот же ответ, правда, так трудно различимый из-за набитого рта говорящего. Вот сытость, да ещё с накопившемся жирком, то это совсем другое дело, она создаёт у борца за справедливость ощущение твёрдой основы, на которую он может опереться, черпая из неё свои силы. Всё-таки материалисты со своим тезисом о первичности материи, всегда сумеют вставить палки в колеса их противникам, идеалистам безнала.

Что ж, когда наш герой подошёл к столику – то застал следующую картину: его партнёры, не спеша ковыряясь в блюдах, вели меж собой застольную беседу, когда как их гость, решив, что будет лучше им не мешать, в одиночку пересчитывал пёрышки у принесённой официантом птицы.

– А я ведь говорил Каланче. Не торопись. Подожди. Ведь для того чтобы выйти на большую политическую сцену, нужен какой-нибудь взрыв. Штиль в политической жизни – самая неблагоприятная погода. Но нет, он никого не хочет слушать, – рассуждал степенный партнёр в очках с золотой оправой.

– Так, наверное, с его места ему видней, – засмеялся второй степенный господин, склонный к язвительным шуткам над другими участниками-партнёрами рынка, а также страстно любящий поучаствовать в играх на фондовых биржах, где его шутки с голубыми фишками часто оставались недопонятыми, и приводили к обвалу рынка.

– А вот, наконец-то, и ты, – заметив Лу, сказал благодушный степенный господин.

– «Ай-Ти», чего задержался? – опять подшучивая, добавил язвительный господин.

– И не просите, я свою долю не продам. Говорил вам, что за ай-ти-технологиями будущее, – улыбаясь, ответил Лу.

– Ладно, ладно. Давай присаживайся, – сказал язвительный степенный господин. – Кстати, познакомься с будущим уже наших информационных технологий, с Вениамином, мастером слова риторики. И я скажу – он может всё, и даже больше. Ведь каждый продвинутый политический риторик, использует своё риторическое имя на всю катушку, имея право не отвечать за свои слова. Ответ вы, конечно же, получите, но ответственность за него – вряд ли вам гарантирована. Вот такие у нас работают кадры.

Веня же, когда речь зашла о нём, отставил от себя тарелку и, с казалось бы смущённым видом, стал слушать свою презентацию. Что поделаться, наш Веня очень скромнен в кругу столь известных господ, и по его виду вряд ли догадаешься, что именно он – тот пламенный оратор, громящий и пускающий под откос эшелоны коррупционной власти. «Но в чём же дело, и что послужило столь странной метаморфозе?», – спросит проницательный читатель. «Да, пожалуй, вы не слишком проницательны, раз спрашиваете об очевидных вещах!», – корю я за наивность проницательного читателя.

– Вениамин, что вы стесняетесь? Давайте, расскажите нам вашу теорию голоса избирателя в связи с его избирательностью, – хлопая по плечу Веню и, посмеиваясь, заявил язвительный господин.

– А я не вижу в этом ничего смешного! – вдруг разошёлся покрасневший Веня, затем снял очки, протёр запотевшие стекла и, одев их, продолжил источать свой гнев. – Да, я имею на этот счёт своё неоспоримое мнение. И скажу со всей ответственностью, что нет ничего более эфемерного, чем голос избирателя. И даже для самого избирателя, его голос – есть нечто непостоянное, имеющее характер налёта. Это то же самое, что и твоя голосовая речь, услышав со стороны которую, ты с трудом можешь распознать её, а распознав – останешься весьма этим недоволен, и получается так, что ты скорее отдашь предпочтение чужому голосу, чем своему. Так что «избирательность избирателя», скорее прислушается не к своему голосу, а к чужому, поданному в нужном месте и с нужной интонацией. – На одном дыхании отрапортовал, пылающий от самосознания своей личности, Вениамин.

– Ну, не надо так экспрессивно, – заметил степенный господин, успокаивая Вениамина.

Веня же, решив для себя: «Что с них взять ещё, кроме презренного металла!», – залил внутрь себя бокал вина, и тем самым успокоил рвущееся наружу желание декламировать, прижигая калёным железом язвы этого мало свободного общества. Затем они обменялись рукопожатиями, и Лу присоединился к сотрапезникам, чтобы составить им компанию, для чего и погрузился в принесённое официантом меню. А его партнёры, решив дать ему время как следует освоиться, вновь погрузились в свои насущные дела, когда как Веня, придвинув к себе тарелку, вновь принялся доделывать недоделанное. Ведь, что поделаешь, вот такой он человек, раз взялся за дело, то всегда доводит его до конца. Степенные же господа, вновь продолжили свою беседу о человековидении, и его роли в политической жизни общества. Ведь вопрос: человек для политики, или политика для человека – так и остался нерешён для человека-политика, также как и для политика-человека.

– А ты меня вчера у Соловья лихо припечатал, – улыбаясь, начал разговор благодушный степенный господин, – я аж вначале чуть дар речи не потерял.

– Бывает, – покрхтывая от удовольствия, ответил его вечный антагонист медийных площадок, язвительный степенный господин.

Но давайте оставим закулисье в распоряжение самих кукловодов и манипуляторов, ведь иначе мир станет скучен, лишившись всех своих тайн и загадок. Разве нам интересен сам механизм работы системы? Нам более по нраву красота самих кулис, с их огнями и переливами красок, а за ними – всё тускло и мрачно, да и кардиналы, и то всё сплошь серые. А так немного налётного престижа, и вы, сидя у себя дома напротив экрана, предаётесь разгадке очередного квеста в поисках правых и виноватых, которые, чувствуя все мимолетные желания публики, стараются донести до нас хоть что-то.

Что ж, Лу для проформы пробежался по меню, ведь когда ты постоянный клиент этого заведения, и, когда количество твоих посещений перевалило за трёхзначное число, то, пожалуй, можно его простить за лёгкую небрежность в деле изучения этого самого меню. Просто здоровье нашего героя слегка ухудшилось после того, как он прибыл сюда. Видимо, всё-таки он вчера слегка перебрал свою норму перебора, принятого на грудь, и в результате чего, погрузившись в меню, решал для себя непростую задачу: либо перенести стойко приступы головной боли, либо подлечиться настойкой, чтобы потом чувствовать себя стойко.

Так поначалу Лу придерживался первого варианта развития событий, но после того, как он увидел, как Веня опрокидывает в себя стакан лучезарного напитка, то его одолели сомнения в верности выбранного варианта, и теперь он, взглядываясь в названия предлагаемых напитков, производил сложные арифметические расчёты степени их градусного воздействия на его неокрепший организм. Всё же решившись, Лу наконец-то заказал для себя прозрачного, как слеза напитка, и когда напиток обжёг его внутренние стенки желудка, решил для себя, что он не ошибся, как в своём выборе действий, так и в напитке. Затем он, следуя вековым традициям, ещё прописанным, как утверждают, самим Гиппократом, для закрепления эффекта плацебо (наш герой придерживается того мнения, что эффект от принятия алкоголя, по боль-

шей части, зависит от самого пациента, и его действие очень часто весьма внушительно для окружающих его людей), кинул вдогонку ещё одну дозу лекарства. Закрепив результат приёма внутрь и слегка перекусив, Лу откинулся на спинку стула и стал изучать (опять же для проформы) присутствующую публику.

Ведь правила нахождения в помещении требуют от тебя хотя бы осмотреться вокруг себя и определить – с кем ты дышишь одним кислородом под сводами этого здания. Конечно, решение об общих кислородных процедурах было принято ещё с самого открытия этого достопочтенного заведения. Ценовая палитра, так весело разукрашивающая своими нулевыми окружностями цифры, стоящие напротив блюд в меню, очень чётко просеивает число желающих вкушать здесь чего-нибудь, оставляя только ту небольшую категорию избранных с большими карманами, для которых пафос является обязательным ингредиентом, придающим остроту заказываемых ими блюд.

Так что местный контингент, заседающий за соседними столами не отличался разнообразием, и Лу, покивав знакомым, уже было собрался принять участие в дискуссии за столом, как заметил залётную молодую парочку, непонятно каким образом забредшую сюда. Почему залётную? Ну, это не трудно определить по внешним факторам, о которых, наверное, и не стоит упоминать носителю дорогого костюма и различных сопутствующих ему аксессуаров. Да и по лицу зашедшего сразу же видно, что он не отличит аксессуар от писсуара, да ему это и не нужно, а его спутница своей натуральностью уже вызвала немой укор и негодование среди дутой женской присутствующей публики, от которого она ещё больше раздулась, правда уже естественным образом – а уж эту разборчивую в знакомствах, и неразборчивую в связях прослойку женской общности ни на какой мякине не проведешь.

И уже даже нахмурился официант, заметив оплошность администратора (впоследствии стоившей ему места), который, к слову сказать, виноват лишь в том, что отлучился на мгновение по личным нуждам, и тем самым дал незаметно проникнуть под сей священный свод этим возмутителям спокойствия, особенно перед носителями дорогих костюмов от какого-нибудь «Арма Бри», и их заменимыми носительницами бриллиантов (ведь нынче сейфы ненадежны, вот и приходится ими обвешивать очередную пассию, чтобы ими любимые брюлики были всегда на виду).

И что теперь делать всем этим «носителям» собственности, когда простота бросила им вызов, вначале заведя молодежь сюда, а затем, показав всю их неприглядность, заставила уйти твёрдой опоре из-под ног вершителей судеб, ещё пять минут назад считавших себя так твёрдо стоящими на этой самой опоре. Но дело разрешилось само собой. Парень, взглянув на ценник меню (с той же простотой как, видимо, всё и делал), заявил, что обедать им здесь не по карману, взял под руку подругу, и они также быстро исчезли, как и появились, оставив после себя растревоженный осиный рой.

У Лу в душе от увиденного, что-то как-то нехорошо заскребло, ёкнув смутной памятью, и он автоматически налил себе дополнения, дабы вытиснуть из своей памяти эту, непонятно с чем связанную, памятьливую потерю.

«Казалось бы – ничем не примечательный случай (да даже и не случай, а так – пустяк: мало ли чего не бывает в жизни), а всё же что-то затеребилось в тебе, и вот уже ты потерял покой, ища это что-то», у Лу размышлял Лу, глядя на усердно жестикулирующую молодую, с позиции относительности местного бомонда, даму. «Может жизнь в созданных обществом рамках, соответствующих твоему „я“ приличий, стало тяготить тебя? И, ворвавшаяся в твой мир простота другого мира, напомнила тебе о существовании совсем другого круга людей, существующего без светских условностей, людей, просто живущих своей жизнью. Видимо, не я один почувствовал эту позолоту сковывающих нас рамок, раз появление этой пары вызвало такой нервный переполох. Но разве кто-нибудь из присутствующих согласится сбросить с себя, так сковывающий их: лишний вес бриллиантов, ботокса, нала, и обменять это всё на бедную

молодость. Хотя, наверное – это всё-таки риторический вопрос». – Лу в раздумье посмотрел на сидящего напротив Веню.

– Так ведь, Веня? – спросил Веню, ни с того ни с сего Лу, чем привёл последнего в некоторое беспокойное непонимание.

Степенный же господин, поспешил успокоить Веню, заявив, что он пусть не обращает внимания на подобные странности его коллеги, любит он, видишь ли, поразмышлять вслух. Затем наш степенный господин, отправив Веню покурить, попросил Лу, чтобы тот уделил ему (Вене!) немного своего времени и, разобравшись в сути дела, помог бы в становлении нового общего проекта. Лу же, заявив, что мало смыслит в подобных вещах, попытался откреститься от данного предложения, но его партнёры, как приверженцы совсем другой концессии, не приняли его столь решительный шаг и заявили, что общее дело требует этого, а так как у них и так забот полон (совсем не золотых зубов) рот, то, на этот раз пусть и Лу проявит себя на этой, ещё непаханой ниве политических возможностей.

Лу же, ослабленный вчерашней невоздержанностью и сегодняшней крепостью напитка, всё-таки был взят в оборот, суливший немалые прибыли своим партнёрам, и пообещал своё содействие пришедшему после курительной паузы Вениамину. Он, вручив ему визитку и, приняв ещё успокоительного, распрощался со всеми и направился к выходу. Наши же степенные господа, ещё слегка пообсуждав такие далекие: «Я же говорил, что не надо было Бориску на царство», – кипел язвительный господин; и такие близкие времена: «Да, Влад совсем другое дело! Слегка не политкорректно, зато ориентировано выдержанно», – заявлял степенный господин. «Хотя скажу, это были божественные времена!», – ностальгически выпуская дым, молвил степенный господин, – «Ведь я был для людей царь и бог, и только я решал: когда для них будет радость – выдав зарплату, а когда горе – задержав её!».

Но что ж теперь поделаешь, жизнь вносит свои коррективы, провозглашая монотеизм. Но мы не станем их осуждать за эти мимолетные слабости, таковы люди, и даже самые великие из них подвержены ностальгическим воспоминаниям. Пока же наши господа предавались воспоминаниям, Веня, оставшись в одиночестве, решил выставить себя напоказ, и тем самым обратить на себя внимание вон той весьма симпатичной дамы. А предпосылки для таких его действий уже в полной мере имелись в наличии, ведь, если быть нескромным и посчитать, сколько бутылок переменило свой статус из «полная» в «порожня» благодаря усилиям Вени в борьбе со своей неутолимой жаждой, то можно даже удивиться, почему он ещё так кроток, аки агнец.

Но наш Веня, как говорится, человек привычный и, по его заверениям, ещё не через такое проходил (правда, конечно, чаще всё же переступал) – он только слегка размяк от выпитого и, чувствуя своё вселенское одиночество, заметив, как ему показалось, весьма неровно дышащую к нему даму, стал проявлять по отношению к ней весьма нешуточные знаки внимания, выраженные в виде различных подмигиваний, надувания щек, сногшибательных и многозначительных взглядов – и готов опять во всей красе проявиться. Жаль только, что никто ему не объяснил, что предмет его вожделий был всего лишь предметом интерьера на стене заведения, в виде изображения какой-то голливудской звезды.

А ведь наш Вениамин, уже впад в этот визуальный обман, готов был подойти к ней и со словами: « Мы с вами раньше не встречались? Уж больно ваше лицо мне знакомо!», – пригласить её совместно продолжить вечер. Но его планам не суждено было осуществиться из-за неожиданной помехи в виде официанта, принесшего очередную порцию алкоголя. И стоило нашему Вене только отвлечься на секунду, дабы обратить своё внимание на процесс долива в его бокал (а затем и его опорожнения самим Веней), как всё это привело к потере объекта его вожделий.

А ведь Вениамин всегда подозревал женщин в ветренности, в чём он в очередной раз и удостоверился. После чего расстроившись и, обвинив их в таком ужасном преступлении

против его личности – пренебрежение им – Веня решил, что мир женщин недостойн такого индивидуума, как он, и вообще, его никто не понимает. А так как решение этого вопроса (как он тонко чувствует) находится на дне бутылки, то за это прямо сейчас необходимо выпить. Но мы не будем составлять ему компанию и переубеждать его в обратном, а последуем дальше, вслед за Лу.

Лу же, выйдя из стола, выдвинулся к выходу с прямым намерением ехать домой. Выпитое им, после первых следов облегчения начало свою коррекцию в сторону движения по туманным областям сознания, и Лу, не раз уже плутовавший по этим дорогам, осознавая дальнейшую последовательность своих действий, решил прибегнуть к кардинальным действиям, и дабы изменить эту последовательность, отправился к себе домой для «отлежки» и «отмочки». Но разве человек сам себе хозяин? Ведь стоит только ему прийти к какому-то благоразумному решению, так сразу же на его пути возникает столько непредвиденных препятствий...

– А вы разве уже уходите, – заслонив выход Лу, выразили своё мнение две очень светские львицы. «Да что б их, этих драных кошек!», – подумал про себя Лу, но так как он был человек весьма культурный (как и все вокруг!), – то выразил вслух совсем не то, что имел в виду. А что поделаешь, таковы правила в высококонраственном обществе. Всё личное должно упрятано подальше с глаз долой, ведь здесь до него никому нет дела. Ваше «нравится» и «не нравится», никому не понравится, поэтому, извольте всем и всему нравиться. Так-то!

И он, не подав виду, спрятав свою эмоциональность за маской безразличия, ответил:

– Да что-то здесь сегодня скучно.

– Так присоединяйтесь к нам, – заискивающе предложила светская львица.

– Но у вас ведь свой прайд, – попытался отговориться Лу.

– Ну, вы умеете рассмешить, – хлопая Лу ладошкой, залилась смехом белокурая львица.

И ведь не мной замечена одна интересная тенденция: чем больше у вас капитал, тем ваши шутки кажутся более искрометнее и смешнее для не обладающих таким запасом ... (то ли знаний, то ли средств на счетах). Может потому, что эти благодарные слушатели сами постоянно вызывают улыбку (да что там улыбку – гогот, сводящий животы) у сих обладателей больших капиталов, смотрящих на то, как вы кичитесь своими очень смешными средствами. Вот и отвечают взаимностью наши обладатели смешных денег, вымучивая у себя улыбку при всяком случае, когда с ними соблаговолит пошутить этакая глыба человечества, а то ведь он может оскорбиться и обидеться. Так что давайте будем человечнее, и не оставим обделёнными наших капиталистов, ведь им и так тяжело нести свою ношу, и одарим их своей улыбкой, а ещё лучше заискивающим смехом в ответ на хоть и плоскую, но всё же шутку.

Лу же находился в нерешительности, пока его остаточность вновь не заявила о себе, услышав это заманчивое предложение.

– Но что же вы застыли в нерешительности. Вчера-то совсем иначе себя вели, – подстегнула белокурая львица Лу.

«И ведь, точно!», – вспомнил про себя Лу обрывки вчерашнего дня. «А я ведь, совсем забыл, что видел их в клубе!».

– Ну, ведите, – согласился Лу, беря так настойчиво зовущую за собой белокурую даму под руку.

«А ведь вчера мы не только вместе пили...», – стал перематывать Лу события, так удачно забытые им. Правда, ему сложно было воспроизвести всю последовательность действий, но что он точно помнит, так это то, как он пытался устроиться спать на коленках этой белокурицы, завалившись головой на них. Но костлявость её ног, видимо, не сопутствовало его сну, и Лу, в отместку пощипав курицыны ляжки, изменил свою диспозицию из лежащей в стоячую, дабы, с более широкого обзора найти для себя другой объект для чувственных вздыханий. Нашёл ли он что искал, трудно сказать, но утреннее пробуждение у себя дома документирует всё же бессцельность этих его поисков.

– А где же Летиция? – по дороге к столику спросила «белокурица» у Лу.

«Какая ещё на фиг, Летиция!», – возмутился про себя Лу. – «Люся Птицына, одно слово!». А ведь такое имя – это всего лишь небольшая блажь, так любящих быть на виду «персон грата», и давайте не будем к ним подходить (если они ещё подпустят!) так уж строго. «Но разве Птицына не внушает?», – зададутся вопросом любители словесности. – «Внушает, только что-то совсем не то!», – вынужден будет сказать им весьма осведомленный человек, вращающийся в кругах шоу-бизнеса. Ведь высший свет – то же самое, что и реал-шоу, где существуют свои правила игры, отступление от которых ведёт к выбыванию из него. Так что налёт таинственности, зыбные имена, подборка костюмов, имиджевая составляющая, да и многое другое – являются обязательными атрибутами для участников этого реал-шоу.

– Да где же ей быть, как не дома, – ответил Лу.

«Ответ на вопрос вроде бы и правильный, но где же эта Летиция и, если она всё же дома, то у кого именно – у себя-то я её точно не видел!», – внезапно озарила мысль Лу. И до него вдруг начинает доходить понимание того, что он, собственно, уже давно (а сколько – не важно, в общем), не слышал ничего от своей, очень верной его благу спутницы жизни.

Но Лу не из тех импульсивных молодых людей, с нетерпением бросающихся бить тревогу, разрывая трубки своих и не своих знакомых. Нет, наш Лу обладает выдержкой и может подождать, когда события примут форму безвозвратности. Ведь фатализм у него в крови, и раз суждено ему сегодня напиться – он напьется, а если же выпадет шанс нажраться – то и карты ему в руки. Так рассуждая, Лу поднимал рюмку за знакомство, мигом забыв про Люси.

Конечно, новое его знакомство ни к чему его не обязывало, да и все присутствующие за столом уже номинально друг друга знали (или же слышали), но для вливания в коллектив, нет лучше способа, чем этот, и он был опробован в нашем случае Лу. Но почему-то и новый стартовый запал не вызвал в нём ответного отклика в душе, и даже теребение им костлявых ног «белокурицы» под столом, в ответ на её бедротрение, показалось ему пошлым и не воодушевляющим для дальнейшего развития более близкого кампанейства с ней. Так что Лу решил более внимательно подойти к вопросу фатализма, на ходу меняющего свои правила.

Но всё же наш Лу тёртый калач, и для него судьбоносность – не та субстанция, которой можно позволить вести себя по отношению к нему так, как ей заблагорассудится. И Лу, опрокидывая в себя очередную порцию спиртного, тем самым пытается в споре с судьбой оставить последнее слово за собой. Но то ли он переусердствовал, то ли сказалась привычка «белокурицы» лезть под руку со своими заявлениями, но результат этих внешних обстоятельств не преминул сказаться на нём. Так поперхнувшись, Лу не смог установить плавность процесса усвоения принятой дозы и, чувствуя, что возможность дальнейших бесконтрольных действий его организма может привести к мало приличествующим данному месту побочным извергающим эффектам, ринулся в уборную, дабы упредить свой непослушный организм.

И надо отдать должное нашему Лу, его скорости позавидовал бы не один спортсмен, занимающий верхнюю строчку по дисциплине «бег с препятствиями», а ведь препятствий по дороге в туалет было не счесть. Тут и вальяжно рассевшиеся за своими стульями гости, тут и снующие везде официанты, так и норовящие подрезать тебе ход, ну, а о скоординированном разговоре сильно принявших на грудь и говорить не имеет смысла, ведь все знакомы с их внезапностью появления в ненужных местах. А ещё была велика опасность и того, что наш бегун наступит на устрицу, упавшую на пол у зазевавшегося официанта, и только вездесущее провидение, а также ловкий маневр Лу позволил миновать ему эту напасть, чтобы вовремя припасть к унитазу, и выгнать из себя уже напасть другую.

Что касается его застольников, то его исчезновение даже не было ими замечено, кроме разве что «белокурицы», до которой достучалась её свобода ног. И только она это ощутила, как зал озарился её кличем в пустоту: «Ты куда?», – повис немой вопрос над его местом. Что ж, со всеми бывает, и Лу, выйдя из туалета уже совсем с другим лицом, чем с тем,

с каким он забегал туда (при этом до смерти перепугав вездесущую уборщицу), решил, что если уже ничего не лезет, то чем это не подсказка для него, и следовательно, нужно прислушаться к знакам говорящим ему, что необходимо отправиться незамедлительно домой.

Вернувшись за стол, Лу не стал отвечать на заданный ему вдогонку вопрос, и сообщив, что ему необходимо уехать, оставил доуменных сослагательных самим вариться в своем супе. Правда, «белокурица», приняв за авансы действия Лу под столом, всем своим видом изъявляла желание стать на сегодняшний вечер ручной львицей, но на Лу вдруг снизошла какая-то стена непонимания, и он проигнорировал её, с невозмутимым видом, вначале откланялся за столом, а затем при выходе из зала, отклонился уже от самой «белокурицы», спешащей довыяснить вопрос о порванных колготках.

Сев в автомобиль, Лу в первую очередь набрал номер своего пресс-атташе (и по совместительству своё доверенное лицо, или же наоборот – трудно сейчас сказать): «Это не телефонный разговор. Давай ко мне!», – без лишних разглагольствований отдал команду Лу.

«Опять пить зовёт!», – одеваясь, наверное, пробурчал про себя Гера. А как же иначе, нелегко быть доверенным лицом, да к тому же ещё и пресс-секретарем у такого рода господ. Затратное это дело, как для секретаря, так и для его нанимателя. Прессовать нынче надо уметь, это ведь вам не годы подмастерьев и слесарей со своим скобяным инструментом. Сегодня, в век технологий, надо проявлять изобретательность и фантазию, иначе и на твой «порт» найдётся свой «канальный провайдер».

Так что Гера, одевшись, с кислой миной заявил своим домашним, что его требуют видеть, и что с этим ничего не поделаешь, если всем им хочется проводить отпуск на каком-нибудь «лазурном» берегу, но если есть возражения, то он не против их рассмотреть. Но, видимо, его домашние (жена и две белокурые вреднюсины, а в особенности, их любимец кот-ротозей) не имели ничего против того, чтобы провести отпуск, наслаждаясь очень «лазурным» берегом моря, так что наш страдалец был отпущен на все четыре стороны без всяких предварительных ласк.

Но почему наш Гера так недипломатично отреагировал на звонок своего босса Лу? Неужели он обладает какими-то экстрасенсорными способностями, и может так, с полуслова распознать желания и малейшие движения души человека? Вполне может быть, но всего вероятнее, всё дело в том, что наш Гера и Лу были знакомы с самой школьной скамьи, и пожалуй, столь долгое знакомство и налагало на него столь ответственный груз знаний о друге.

«А ведь вчера клятвенно заверял, что сегодня даст мне отдохнуть!», – бурчал про себя Гера. – «А хватило его только до вечера!». Конечно, можно понять Геру, его жизнь практически слилась с жизнью его босса, он стал своего рода его тенью, следующей везде за ним по пятам. Без его юридического сопровождения, Лу и шариковой ручки не брал для подписания контракта, а что уж говорить о «паркере» и «монблане».

«Нет, что бы он там не заявлял, а пить я с ним не буду. Да и вообще, завтра важное совещание, и надо быть в тонусе!», – летя к Лу на своём чёрном, очень престижном авто, размышлял про себя Гера. Но вот, он подъехал к месту назначения, к одному из стандартных для данной местности особняков. Стандартная двухметровая ограда со своей каменной облицовкой в виде охраны. Стандартный газон, рельефно сопровождающий вас по бокам к самому входу в особняк, который, к слову сказать, ничем выдающим не обладает, всё стандартно в этой трёхэтажном прибежище одинокого олигарха. А ведь можно было бы, по мотивам «Иронии судьбы» снять совсем другое продолжение её первой части, уже с учётом интересов правящего класса, живущего в таких современных стандартных условиях своего бытия. «И ведь стоило Рязаньчу только заикнуться об этом, обратившись к нам...», – заявлял один любитель кино, проживающий по данной стандартной схеме, – «Мы бы в один момент, не выходя из парной, нашли бы ему средства на финансирование такого фильма!».

Но вот Гера заходит внутрь. И что же он видит? А ничего нового, что он раньше не видел. Наш герой Лу всё же не вытерпел перепадов настроения и, приехав домой, решил слегка разбавить свою грусть-печаль, непонятно откуда взявшуюся у него. В разбавлении грусти приняла участие захваченная им по пути домой, всегда на всё готовая, светская и всегдашняя часть этой тусовки. И её можно понять в этом, ведь она не ограничена всякими религиозными условностями, и пока она светская – то вполне имеет право на не целибат. Так кроме нескольких дам высокого роста, грусть-печаль Лу разбавляли пару вальяжных типов, претендующих, как они говорят, на «уважуху». Но для Геры подобные типы были не в диковинку, и он всегда при общении с ними требует у охраны обеспечить хорошего лежания вещей, чтобы не случилось соблазна у кое-кого прибрать кое-что к рукам, обеспечивая (уже с их точки зрения) надлежащий порядок в доме.

– А, вот и ты, – отталкивая от себя чернооую брюнетку и, вставая навстречу Гере, сказал Лу.

– Я, как смотрю, ты в своём репертуаре, – без обиняков заявил Гера.

– Прости, забыл, но у меня сегодня чёрная полоса в жизни, – промолвил Лу, опять подхватив брюнетку. – Так ведь, лапа?

– А мне не до шуток, – не меняя тона, ответил Гера. – И тебе пора бы остановиться. Завтра важный день, а ты опять не готов. А решение уже вызрело, и завтра его надо обязательно озвучить.

– Да, да, я всё понял, – одним глазом смотря на Геру, стараясь сообразить, что от него хотят и, решив не противоречить, согласился он.

Гера же, выйдя в центр гостиной, похлопал в ладоши, дабы обратить на себя внимание. Это у него вышло только на среднюю троечку, ввиду большой увлеченности присутствующей публики совсем другими интересными вещами. Но наш Гера дока в разрешении подобных несоответствий его желаний с встречными желаниями противостоящей ему праздной публики. И он, заручившись поддержкой мышечной массы охраны, кого – своим ходом, кого – не своим, вывел всех вон из дома, отправив их в дальнейшее восояси, где они так любят быть. Правда, на этот раз не всё прошло так гладко, как хотелось бы. И черноокая девица, решив для себя, что все эти призывы выйти вон к ней не относятся, продолжала настаивать на своём особом статусе, вцепившись в диван, на котором и располагался до прихода Геры весь этот бомонд.

Гера, видя, что словесность в данном случае совсем плохой аргумент, и что ручной метод будет куда эффективней, не раздумывая, пустил его в действие. Черноокая девица только и успела окнуть, когда пара крепких мужских рук потянули её с дивана, и уже, казалось, дело сдвинулось с мёртвой точки, как вдруг девица сумела вывернуться (видимо, змеиная скользкость позволила ей это сделать), и изогнувшись, сумев переместить вес своего тела с заднего «крепкого» аппарата на верхний, тем самым, опрокинулась вместе с охранником на пол. Затем она вытянулась и вцепилась своими руками в ноги всякое видевшего Лу, и при этом далеко не безмолвная (по этическим и цензурным соображением у меня рука не поднимается опубликовать эти трёхэтажные словосочетания, да и цифровая бумага уже не столь терпима) мольба отразилась на её размазанном от потекшей краски лице.

Лу же смотрел на всё это происшествие с невозмутимостью находящегося в нирване последователя Будды. И даже завершающий штрих в устах этой доверчивой дамы, поверившей в обещание халявы в обмен на необременительную сдачу в наём её столько раз доверявшего различным проходимцам тела: «Да, козёл ты!!!», – совершенно не вывел из себя это погруженное в созерцание ещё одно воплощение тиртханкары. Ну, а что поделаешь, ведь истина одна, и итог поиска этой вечной субстанции, как правило, не блещет разнообразием.

Как только до представительницы женского пола доходит данная истина, то она тут же, с чувством собственного достоинства удаляется прочь искать уже другого, более покладистого козла. А ведь поиск истины для женщины – это зачастую, не так уж и лёгкое занятие. Ведь

даже многочисленные подсказки на это не возымеют своего действия, если вы обладатель больших капиталов, которые так сбивают с толку наших истинноискательниц. Ведь ради этих капиталов они готовы смириться с данной участью, правда, если выпадет удача наградить вас ещё не одной парой рогов, то они это сделают, не моргнув глазом. Но как только они понимают, что их счастью не суждено случиться, то они, ожидая поразить всех своим откровением, а самого обидчика сразить, сбив с копыт наповал, во всеуслышание объявляют эту горькую квинтэссенцию истины: «Козёл, ты!».

Но разве сатира проймётся, ведь вся его жизнь построена на таком роде развлечений, пьянства и ловли в свои сети нимф, которым, к слову сказать, только козла и подавай. Так что не козлы мужики, а всего лишь рогатые сатиры. Правда существует и контристинина, которую со своей стороны использует мужская половина человеческого рода. Но она не носит характер монументальности, она, в некотором роде, плавающая субстанция, и во многом зависит от женского козлизма, хотя и существуют свои, независимые от женского мнения эксперты, со своими твёрдыми убеждениями в овцовости женского рода. В этом случае, любой расклад их взаимоотношений приводит к обязательному «козлиному» ответу со стороны женской половины, в сторону «овцовому» привету мужского «я». Другая же часть мужского сообщества, наиболее многочисленная, скорее доходит до этой приложной истины, в результате действий дам такого рода, обвиняющих их в сходстве с этим рогатым скотом. Так что их ответ: «Сама, овца!», – есть всего лишь защитная реакция на подобные поползновения в сторону их достоинства. Ну и существует третья, самая малочисленная категория мужского населения, которая на все «козлиные» нападки их благоверных, стойко переносят эту их блажь, но в этом случае, они находят (как ни странно!) свою защиту как раз в женском стане, представители которого выносят свой неумолимый приговор этой паршивой овце, возводя её в ранг козлухи.

Гера же, проводив даму до развилки её жизненных дорог, правда, ведущих всех в одну сторону, вернулся назад и, подойдя к Лу, всё также сидящему в одной позе, спросил его:

– Ну что, пожалуй, надо закругляться.

Лу же, глядя в одну точку, не шелохнувшись, с какой-то горечью в голосе промолвил:

– А ведь это итог моей эволюции мечты.

Гера же, зная Лу с его подобными отступлениями от реальности, в поисках объяснений этих самых реальностей, взял его под локоть и повёл укладывать на кровать, где, по его мнению, философствовать будет более комфортно и результативно.

– Помнишь, как мы хотели прославиться, играя в группе? – разбавлял словами свой ход Лу.

– Да, да, – поддакивал ему Гера.

– А ведь это желание публичности и есть первая вступительная этапность мечты. Она, мечта, вообще по своей структуре проявления, как зебра, чередуется своими целеустремлениями. Первоначальная публичность мечты, сменяется на твои узколичностные желания, и так – по кругу. Я же пришёл к тому, что мне уже ни того, ни этого совсем не хочется, – рассуждал Лу, пока его не довели до кровати.

– Давай отдыхай, и завтра, чтобы был, как огурчик, – не обращая внимания на его разглагольствования, заявил Гера и вышел из спальни. Что ж, он, Гера, выполнив подработку на дому по очистке территории от сопутствующей распутству Лу грязи, теперь может отправиться к себе домой, правда, надо не забыть уведомить охрану о нежелательности беспокойства их хозяина, а то придётся опять приезжать на новый вызов. Видимо, на этот раз его звали не составить компанию, а наоборот – расстроить уже поднадоевшую. Что, не смотря на некоторую хлопотность, весьма экономит личное время Геры.

Но всё же Гера не сразу отправился домой, а этому его действию помешало неожиданное столкновение в дверях дома с сестрой Лу.

– Где этот козёл? – с горящими глазами ворвавшись внутрь, закричала она.

– Да постой ты, Надя, – остановил её Гера. – Он уже успокоился.

Надежда, младшая сестра Лу, в гневе была прекрасна, что, в принципе, не ново по отношению к женскому полу, вот только почему-то мужской род в этом случае, вызывает совсем другие чувства, и на них при этом совершенно не хочется смотреть. Но это, видимо, всё-таки игры природы, рисующей устрашающие маски на защитниках дома, чтобы они своим видом могли утратить неприятеля, и тем оградить дом от опасности.

– Так, где он, – остановившись в проходе, строго спросила она. Гере же это её состояние определённо нравилось, и он, в упор посмотрев на неё с улыбкой, ответил ей.

– Знаешь, когда в течение часа слышишь от разных людей в чей-то адрес одно и то же определение, то это заставляет задуматься. Может и вправду есть в этом что-то близкое к истине.

– Я что-то не пойму, ты это о чём? – спросила Надежда.

– Да так, о своём. А насчёт Лу можешь не беспокоиться. Он уже отключился. Так что, пусть он с утра лучше встретит надежду, чем безысходность.

– Ну, вот ещё, – надув губы, заявила она, и затем уже сама внимательно посмотрела на Геру. – Значит так, хватит мне зубы заговаривать. Я знаю, что ты на это мастер. Лучше дай мне попить чего-нибудь.

Гера в ответ сходил за водой, а когда вернулся в гостиную, то застал Надежду сидящей на диване.

– Вот, как просили, студёная, ключевая, – поднося ей стакан воды, сказал Гера.

Надежда же, глядя на него, не торопясь выпила воду и, поставив стакан на столик, спросила:

– Ну как ты, ведь сто лет не виделись?

– Ну, ты же знаешь мой образ жизни. На работе – вожусь с твоим братцем, дома – ждуть моих объятий мои маковки. – С какой-то сострадательной улыбкой проговорил Гера.

– Видишь, я не зря говорила, что когда-нибудь ты будешь хорошей няней для своих детей, – с печалью в голосе сказала Надежда.

– Ты и количество угадала, – ответил Гера.

– Ну, с этим не сложно угадать, – ответила она.

– Ну, а ты то как? Что у тебя на личном фронте? – спросил Гера.

– Воюем – тихо ответила она.

– А поподробней, нельзя? – спросил он.

– Нет, – зло ответила Надежда, встала с места и продолжила, – всё, пошли отсюда.

Гера, не ожидавший такой перемены настроения у Нади, безмолвно последовал вслед за ней к выходу. И уже там, посадив её в машину и, пообещав как-нибудь позвонить, заметил проступившие слёзы на её глазах. Нельзя сказать, что он остался безучастным к этим проявлениям женской природы, но страх перед болезненными воспоминаниями заставил его память вытравить из себя самые маленькие наметки на них. Вид же Надиных слёз начал постепенно прожигать в нём выстроенную им защитную стену, и Гера, решив, что возвращаться к прошлому, задача совершенно непосильная ему, схватился за баранку своего автомобиля, и с помощью скорости попытался выветрить из себя все возможные глупости, на которые наводит его сердечная мысль.

Всё же скорость сделала своё дело, заставив его сердце биться учащённо (а некоторых участников движения и вовсе хвататься за сердце, а в некоторых особо чувствительных случаях, и за битую) не только при мыслях о ней, и Гера, напугав соседских котов и праздных прохожих, заехал в свой двор. Влетев домой, он, можно сказать, перепугал своим видом своих домочадцев, и только когда самая маленькая маковка бросилась к нему навстречу, и подбежав со словами: «Папа приехал!», – обхватила его, только тогда Гера, наконец-то, через эту маленькую чувственность, осознал окружающее и пришёл в себя.

Лу же, хмуро оглядев свою спальню, наконец-то, решил смириться с ударами судьбы и улечься спать. Но прежде чем завалиться в кровать, он зашёл в ванну, дабы удостовериться в своей вмняемости и ещё слегка добавить на сон грядущий. Зеркало же, видимо, находясь в сговоре с реальностью, не стало приукрашивать что-либо в своём отражении, и выдало Лу всё, как оно есть. Тогда Лу, решив смягчить нрав зеркала, открыл кран в ванной, чтобы набрать в неё воды. «Уж после-то водных процедур, я вновь обрету ясность зрения и трезвость мысли!», – размышляя так, Лу стоял в одном положении, наблюдая за тем, как течёт вода из крана.

А ведь Лу в этот момент забыл о той существующей опасности, которая исходит от твоего долгого стояния на одном месте. А если ещё и смотреть при этом немигающим взглядом на текущую воду, то... Кто знает, что можно дальше увидеть и во что впасть. Ведь сопряжённая с этим текучим действием опасность, заморозиться потоком сознания, а не воды, и уйти в вечность, погрузившись в мыслительную глубину при виде этой текучести, весьма не редкая вещь. И только небезграничность вместимости ванной спасла нашего героя от забвения в этой глубине познания вечности. Так наполненность ванны водой, заявив о себе переливом воды через край, заливая при этом ноги Лу, привели в чувство нашего мыслителя, и он кинулся перекрывать воду.

Но его горячность вместе со скользким полом привели его не совсем к тем результатам, на которые рассчитывал он. Так поскользнувшись на мокром полу, Лу, надо отдать ему должное, весьма художественно погрузился в свой автономный водоём, совершив при этом очень запоминающиеся полётные обороты. Но если для нас, находящихся по другую сторону литературного листа, они были скорее незапоминающимися, то для самого Лу, приземлившегося, или вернее сказать, приводнившегося головой об стенку ванны – стали даже очень памятным событием. Ведь именно то событие является наиболее памятным и откладывается в твоей душе, если оно хоть на мгновение, но приводит вас к беспомыслию, вот таков парадокс нашей памяти, и с этим ничего не поделаешь, если разве только не забываешь о нём.

Между тем Лу, зацепив головой стенку ванны, сползает с неё и погружается с головой в этот омут воды. Ну а кто хоть раз погружался с головой в воду в своей или чужой ванной, может подтвердить, что звуки, исходящие извне, совсем по-иному слышимы под водой. Каждому издаваемому звуку сопутствует свой определённый гул, видимо, возникающий из-за препятствующей его движению повышенной плотности воды. Лу же, оказавшись с головой в воде, из-за такой внезапности своего погружения и не успел ничего расслышать, да и не об этом он думал в тот момент. Вынырнув назад на поверхность, Лу протёр глаза, и заметив кровь из раны над бровью, сделал вывод, что падение всё-таки прошло не без осложнений для него. Он омыл лицо, а затем закрыл льющуюся воду.

– Ну, как вы? – неожиданно Лу услышал обращённый к нему голос Консультанта.

– Да ничего, как видите, – совсем без удивления и понимания, смотря в сторону Консультанта и, как ему показалось, ещё стоявших за ним двоих незнакомцев, сказал Лу, потирая свою бровь.

– Так значит, ваше предложение обмена, посредством погружения, вполне работает, – продолжил Консультант.

– Ну, раз вы так говорите, то мне ничего не остается делать, как согласиться с вами, – с каким-то безразличием ответил Лу, всё также сидя в ванной.

– Ну тогда, на первый раз достаточно. Так что давайте сделаем обратный обмен, – без интонации продолжил Консультант.

– Давайте. А что я должен сделать? – мало что соображая и пребывая во всё в той же прострации, ответил Лу.

– Помните, где вы только что находились, и что делали. И с этими мыслями погрузитесь обратно с головой в воду, – предложил Консультант.

Лу, находясь в состоянии, когда от последних его шагов зависит его сонный покой, подчинился требованию распорядителя сна и вновь погрузился в воду. И на этот раз вынырнув обратно из воды, он уже не застал кого-то из посторонних в своей ванне, да и были ли они, кто знает? Плод ли воображения это был, или побочное явление, как результат падения и удара головой, трудно сказать, а тем более, вспомнить завтра. Так что Лу не стал задумываться о странностях своего воображения, которое не раз извлекало из глубин его фантазии такие сюжеты, что только сильно выпивший мог бы найти в них крупницу понимания в...

Он, выбравшись с осторожностью из ванны, добрался до кровати, где и был сражен своей усталостью.

Глава 4

– А, вот ты где. Что мне нравится в нём, так это его последовательность и твёрдость убеждений, не выбирающих мягкую постель, а принимающих вызов и бросающихся всем своим телом на твёрдую амбразуру жесткого паркета, – сквозь тяжёлый сон услышал Лу иронию Геры. Лу же приоткрыв находящийся в более удобном положении глаз, увидел стоящего над ним Геру.

– А ты какими судьбами? – только и спросил Лу.

– Вот те на, – смеясь, ответил Гера.

– А в чём дело? – приподнимаясь с пола, проговорил помятый Лу.

Да, да, вы не ослышались, именно с пола. А ведь ложился-то в кровать, но что поделать, если земное тяготение избирательно в своих действиях. И если на кого-то сильно давит атмосферное давление, заставляя скакать его сердце, то наш Лу подвержен совсем другой напасти, а именно, земное притяжение слишком тянет его к земле. Так что стоит ему слегка ослабить свой контроль над телом с помощью отвлекающих напитков, то в это же мгновение земное притяжение подключается и начинает работать на подгиб нашего Лу. Так, после первой же рюмки, если его дух воспаряется ввысь, то его тело, в свою очередь, начинает частично сникать вниз. Его плечи получают свой разворот, и вместо того, чтобы быть, как подобает мужчине, расправленными, они, в нашем случае, берут и опускаются вдоль его тела. Следом за ними, в процессе нового дозирования, живот, потеряв свою твёрдость, расплывается в злобной улыбке и, расширяясь, требует от брюк ослабить давление хоть на одну пуговицу. Если же они не прислушиваются к этой просьбе, то усилившаяся настойчивость живота после дополнительной зарядки, уже не желает слушать их доводы о существующих приличиях и с напором вырывает с корнем пуговицу, уже показывая всем своё пузо.

Но и это ещё не всё, так коленки вдруг начинают осознавать свою большую значимость в структуре организма, ведь уже не раз за вечер приземление на них спасало нашего Лу, правда, и задняя часть организма могла с тем же основанием заявить о своих правах, и только её мягкотелость не позволила ей вмешаться в данный диспут. Так вот, наши коленки, осознав свою значимость, дабы склонить его на свою сторону, начинают подгибать под себя тело Лу. Но и Лу не так прост, как кажется, и ещё не было ни одного случая, чтобы телесность так легко могла взять над ним верх. Нет, ей еще нужно с ним побороться, и вот, весь дальнейший вечер происходит в борьбе его телесности, взятой в союзники с земным притяжением, с духом Лу, не желающим впасть во власть приземленных желаний.

И ведь что интересно, что не только наш Лу подвержен такому особому выборочному земному притяжению, и у него есть огромная масса последователей, правда обитающих в особых клубных зонах, что, в принципе, может нам дать ключи к раскрытию этой загадки. Возможно, в этих зонах существуют своего рода земные аномалии, действующие подобным образом на людей. Ведь существует же «Бермудский треугольник», со своими таинственными исчезновениями кораблей, а наши клубные аномальные зоны, тоже в своём роде приводят

к пропаже хоть и не столь крупных объектов, но всё же, провалы и потеря памяти попавших сюда – чем не таинственное исчезновение, требующее особого внимания. Так что здесь берут не массой, а массовостью.

И вот, попав под влияние этой аномальности, наши прожигатели жизни под воздействием притяжения земли и обретают такой удивительный вид, что, в принципе, не сильно их выделяет из общей массы таких же удивительных индивидуумов на всё смотрящих, как в первый раз. И что интересно, то их такая особенная стать, безумно-удивленный взгляд, рубаха с пузом навывпуск, ботинки, вывоженные в грязи и, конечно же, принятый тренд в кругу особых оригиналов – расстёгнутая ширинка, кажутся весьма харизматическими и привлекательными для местных нимф.

Но неужели они столь проникательны, что могут увидеть сквозь налёт пролитого вина и разорванной рубахи ту душевную статью, присущую носителю часов «Филип Патек»? Но нет, всё же найдутся злопыхатели и со своей язвительной точки зрения заметят, что именно такие часы и заметят наши нимфы, чем и будут привлечены к объекту своих желаний. Но мы не будем слушать эти приземленные наветы не имеющих таких часов злопыхателей, и останемся при своём иллюзорном мнении.

Но что же с Лу? Совладала ли с ним приземленность? Нет! Он всё борется, и вот уже кажется, что наш Лу хоть и на полусогнутых ногах, но устоит перед земным притяжением, но тут, как всегда, опасность приходит оттуда, откуда её не ждешь. Твои духовные метания, стремясь найти для себя душевное пристанище в обществе тобою же и одухотворенных лиц женского пола, приводят вас в одно из уютных мест, где можно с комфортом и без помех успокоить свою душевную требовательность. Вот тут-то, ты и получаешь подножку и, как всегда, приземляешься в свою телесность, покупая ей обратное такси по тройной таксе.

И что же Лу, неужели он расстроился? Наверное, всё-таки да, раз он вновь открывает бутылку, и с блаженной улыбкой заливает новую дозу в свой организм. «А что поделаешь. Ведь у меня есть мечта. Я хочу научиться летать. А самый близкий путь к этому – левитация, которая зиждется на разности полюсов земли и тела. По моим же расчетам – земля всё-таки имеет положительный полюс, а мы, животный мир скорее несём в себе отрицательный заряд. Так вот, чтобы его усилить, я и веду подобный образ жизни!», – подводит основание под своими действиями Лу.

Глава 5

– В чём дело? Сегодня у нас общее собрание коллектива, тобою и анонсированное, – бивает слова в голову Лу Гера.

– Но как ты оказался у меня? – Лу попытался восстановить ход событий.

– Давай иди, приводи себя в порядок, – кинув ему полотенце, засмеялся Гера.

Лу же, сгорбленный и примятый уже собственной совестью, которая, решив отомстить за печень, принялась за свои утренние терзания: «Ну что, красавец!», – начала совесть, глядя ему прямо в глаза из зеркала. – «Как самочувствие?». Лу взял зубную щётку и молча начал чистить зубы, ведь не ему ли не знать, что её не переспоришь, её можно разве что только заглушить. «Что-что?», – возмутилась совесть, для которой ничто не остаётся незамеченным. – «Так ты ещё и пить собрался?», – заорала она так, что это даже отдалось в его висках. «Да потише, ты!», – держа щётку во рту, схватился Лу руками за свои виски. «Так что, пить ещё будешь?», – не унималась совесть. «Не буду!», – пробурчал Лу. «Обманешь же?», – снисходительно спросила она. «Ага!», – покачал в ответ головой Лу. «И как жить дальше будем?», – спросила она. «Наверное, по прежнему...», – сведя плечи, ответил Лу. «Ну, тогда я с тобой не разговариваю!», – обиделась совесть и ушла в себя. «Наконец-то!», – обрадовался Лу, дочистив зубы. «Я всё слышу!», – где-то эхом отразился голос совести...

Оставшись наедине с самим собой, Лу продолжил с остервенением вычищать свои зубы, пока не удосужился всё-таки немного посмотреть по сторонам, а посмотреть – было на что, как, впрочем, и всегда после бурного вечера. Масштабы разрушений были не столь значительны, из чего Лу сделал вывод, что, по всей видимости, вчера было не слишком весело (даже можно сказать: слегка уныло), если всего лишь подтопили ванну, да свернули кран, принявший теперь изящную форму фонтана. Хотя разбрызганная кровь на стенах ванной, всё же слегка смягчила эту унылую картину, заявляя: что всё не так уж плохо, раз кому-то ещё и кровь пустили. Заметив же последний кровавый штришок, Лу машинально схватился за свою разбитую бровь, – он вынужден был к вящему своему неудовольствию признать, что вчерашним ванным дизайнером всё-таки был он. И тут вместе с этим памятливым воспоминанием в его голове пронёсся калейдоскоп вчерашних походов.

...Изящно обойдя «белокуруцу» на выходе из ресторана, Лу, почувствовав одиночество, вдруг решил навестить свою сестру, работающую, как и все сестры важных господ в одном из благотворительных фондов, и это не их блажь, а всего лишь объективная реальность. Ведь наши «архи», очень застенчивы и скромны, они не могут вот так напрямую нести добро людям. Для этого ими используется посредник, тот самый благотворительный фонд, который приносит: как добро самим несущим добро, в виде весьма немаленьких зарплат (но таков удел всех, кто взял на себя столь ответственную миссию), так и добро, которое доносится до всех нуждающихся в нём. Ведь должен же сомневающийся человек видеть, что добро всегда полезно – как для получателя, так и для самого дающего. И не зря посредники между богом и человеком, несущие в мир его слово, так пышат богатством. Всё имеет свой проникновенный смысл и символизм, так и человек, видя это богатство и славу, всенепременно отбросит все свои сомнения и вступит в эту лигу добра. Наверное, оттого-то так высока конкуренция на этой стезе добродетели, раз не всем удастся туда протиснуться и создать свой благотворительный фонд.

Сестра же Лу, Надежда, как и все сестры «архов», занимала пост руководителя этого «фонда спасения утопающих», а с каким девизом – вы, наверное, сами знаете. Хотя, быть может, я не столь объективен, и Надежда заняла место руководителя исключительно благодаря своим деловым и личным качествам, да и символизм, исходящий от её имени – чем не аргумент в поддержку этого мнения. Но нет, везде и всегда найдутся малoverы, которых, как они говорят, на мякине (и надежде) не проведёшь: «А разве фонд существует не на средства братца Лу?», – с подковыркой заявят эти злобные мизантропы. «А я бы вас попросил без фамильярности, и скажу, что это всего лишь косвенные доказательства, и Надежду выбрали при весьма открытом голосовании!», – сразу я этим своим откровением сих зловерных господ. «Угу, в кругу семьи!», – всё же добавят любители дёгтя. Но мы их не будем слушать, а будем с удовольствием упиваться своим медом, оградившись от сих недостойных господ.

Что же касается самой Надежды, то она была всего лишь на пару лет младше своего брата, но при этом выглядела даже несколько старше его, но это неудивительно, ведь общественная нагрузка всегда возьмёт и не преминет сказаться на тебе, как в плане личной жизни, так и на твоём внешнем виде. Всё-таки Надежда слишком уж сильно отдавалась работе, раз имела такой изможденный вид. Но таковы реалии жизни: если «некому» отдаваться вне работы, – то приходится полностью отдаваться «чему-то», но уже на работе. И эта отдача редко приносит удовлетворение всем участникам этого цикла: как субъекту, так и объекту. И ведь сразу и не поймешь, что стало первопричиной такого положения вещей – ведь когда-то у Надежды была благополучная семья, со своими планами на будущее. Но после того как её брат решил ей помочь в финансовом плане, поставив её на руководство фондом, как-то всё разладилось у неё в семье, и всё чаще на смену мыслям о семейном вечере, приходили думы о рабочих буднях.

Но как говорят, не только одна работа стала причиной охлаждения Надежды к своей семейной жизни. Память о первой своей чувственности (при встрече с героем её прошлых грёз, работающим у Лу доверенным лицом) изменила весь уклад её прежней жизни, и она, забросив свой дом, всё чаще стала пропадать на работе, дабы влить в эту старую памятьливость новые ощущения во исполнение грёз наяву. Но запретная для законов приличия (но кого они пугали) и несовместимая с гражданским семейным кодексным положением участников процесса связь между ними, разбилась при рождении «лапуль» у Геры, который и поставил точку в их отношениях. Надя же, вместо того, чтобы собрать осколки своего разбитого сердца, даже не стала думать об этом, пытаясь их склеить, и полностью погрузилась в работу, что, собственно, не содействовало её семейной жизни, а совсем наоборот (как следует из положения такого рода вещей) – это приводит к одиночеству.

А одиночество... На то оно и среднего рода, что не имеет полового различия, и в своем коварстве не знает себе равных. Оно погружает человека на самое дно самого себя, и он уже оттуда мало что может различить, кроме самого себя, постепенно размывая свои черты половой принадлежности и, стираясь в нечто в среднее – «оно-я». Но это уже конечный результат действия, к которому стремится одиночество. В начале же оно сладко умаживает свою жертву, расписывая все плюсы «сам-себе-хозяина» жизни: «Да посмотри ты на себя!», – призывно заявляет оно из-за «по ту сторону зеркала», – «Да все они в подметки тебе не годятся. Ты ещё сто себе таких найдешь. Надо себя ценить, а для этого не надо расплываться, на что попало. Так что будь строг (а) в своём выборе. Жизнь даётся тебе всего лишь одна!». И как завершающий штрих – стихотворная часть в виде рубаи Хайама:

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.

Два важных правила запомни для начала:

Уж лучше голодать, чем что попало есть;

Быть лучше одному, чем с кем попало.

И так человек, живя с подобной мудростью, всё больше привыкает к этому образу жизни и, в конце концов, уже не думает его менять, считая, что так оно и должно и быть, а другого и не надо, да и пожалуй, уже и нет сил что-либо менять в этой жизни. Привычка же, заключив вас в свои оковы, уже вряд ли куда вас отпустит от себя, оставляя вас наедине с самим собой и, придумав для вас новое оправдание: быть одному – это ещё не значит быть одиноким. Угу. Конечно же, всё так. А как же иначе может быть для вас, легковерных. А ведь и сама мудрость проявляется через одиночество, при этом заявляя: что нет ничего хуже одиночества. Вот так они и живут, сами в себе, любя и ненавидя друг друга. Но жизнь с подобной мудростью для многих – непосильная ноша, и они всё-таки не слушают одиночество, и делают первый шаг, пытаясь вырваться из этого порочного круга, но для этого тоже нужна своего рода (другого рода!) мудрость, но это уже другая история.

Надежда же (не пытаясь склеить своё сердце) перестала стремиться к чему-либо, и результат не преминул сказаться, и на её жизни, и на её внешнем виде. Их родители уже давно оставили о себе только память, рано закончив свой земной путь, так что только одна работа осталась единственной Надиной заботой. Правда, неожиданные заезды её брата вносили некоторую оживленность в её существование, но, как правило, Лу появлялся в таком состоянии чувственности, что лучше бы он вовсе не приезжал.

Ведь Лу вспоминал о сестре только в те моменты, когда за него слово уже держала початая бутылка водки. Его обострённая душа, в такие моменты требовала от него проявлений своих родственных привязанностей, и Лу бросался стремглав к своей сестре, дабы раскрыть перед ней эту эфемерную свою субстанцию. Но, как правило, дорога делала своё тёмное дело (ведь просмотр мира из-за тонированного окна наводит на совсем неопределённые мысли), и Лу, прибыв на место, забывал зачем он приехал сюда, и уже вёл себя в соответствие со своим видением окружающих мимолётностей, сквозь затемненные очки.

И уж совсем трудно приходилось Наде при отражении этих приступов братских чувств, не говоря уж о её подчиненных, которым покой лишь только снился. И вот Лу врывался в тихую жизнь этого общества, принося с собой суматоху и сумятицу, а также свежую струю жизни (с запахом алкоголя) и как он говорил, вносил нужный дисбаланс в смету бухгалтерии – ведь не всегда же только пополнять этот самый баланс.

Один из таких визитов требует отдельного рассмотрения, как наиболее полно отражающий явление в целом.

...Лу ворвался в зал для совещаний наперевес с бутылкой коньяка, и заняв место рядом с Надей, стал усердно совещаться с этой самой бутылкой, не допуская никого к прениям. Конечно, поначалу кто-то из заседавших (видимо не сильно знакомый с реалиями местности) попытался образумить Лу-наглеца. Этот «кто-то», придав себе и своему голосу грозный вид, заявил: «Но, позвольте...». Но разве ему позволяют? Ему даже договорить-то не дали и заткнули рот метким броском выуженной из кармана брюк потекшей шоколадкой. Видимо, «непозволительному» гостю такое ротозатыкание совсем не понравилось, и он со словами: «Я этого не потерплю!», – полный негодования, ринулся прочь из зала, оставив остальных во власти нового оратора, прибегающего в своём ораторском искусстве хоть и к неординарным, но очень убедительным приёмам, против которых уже никто не посмел возразить. Зал погрузился в полную тишину, нарушаемую только голосовыми и ротовыми заявлениями Лу.

«Не может он терпеть, так бы и сказал, что приспичило!», – сделал глубокомысленное заключение Лу, после бегства его визави. Но и Лу, после своего остроумного довода (когда пришла пора закусывать), поняв, наконец, что разбрасывать камни – не совсем удачная идея, и что занюхивать рукавом не так приятно, как закусывать шоколадом, несколько даже расстроился. Но кроме этой неприятности его ждало ещё одно открытие. Как оказалось, потекший шоколад (не только своей жидкостной бесформенностью) не только эффектно нанёс урон противнику, оставив глубокую рану на его репутации, но также своей липкой массой прочертил свой след на рабочей руке метающего.

Заметив этот беспорядок в своём ансамбле (что, если честно сказать, было очень к месту), Лу, недолго думая, решил, что если рубашка ещё потерпит своё несовершенство, то ему не приличествовало ходить с запачканными руками, которыми, ещё возможно, придётся здороваться, а может быть и обнимать вон ту красотку. «Так ведь?», – сказал он, подмигнув сидящей на углу стола милой барышне, которая получив этот знак внимания, сильно встревожилась и, покраснев до кончиков волос, напряглась, готовясь при следующем заходе этого типа, во всю прыть улепетывать отсюда. Лу же, решив, что чистоты надо добиваться любыми способами, взял левой рукой бутылку и стал коньяком поливать свою правую руку, дабы как-то очистить её от шоколада. Видимо, результат был так себе, или может быть, Лу пожалел коньяка, но он отставил эту затею и решил воспользоваться лежащими на столе бумагами.

Наверное, важные документы несут в себе столько основательности, что их применение (даже совсем не по своему назначению, в особенности в плане очистки тела от нежелательных загрязнений) всегда приводит к желательному успеху. Так что взяв бумаги, Лу скомкал их, как это требует физика, считающая, что ровность поверхности скорее размазывает, чем очищает, а вот применение неровностей зарекомендовало себя с наилучшей стороны, и частично убрал частицы шоколада. Затем он, прислушавшись к настойчивым советам остатков коньяка, решил, что их доводы заслуживают внимания, и с задумчивым видом последовал совету поехать и купить им ещё пол-литровую подружку. Замахнув на дорожку ещё приличную порцию, Лу подошёл к сестре, как все подумали, чтобы обнять её на дороге, но этот подлец всего лишь воспользовался своими родственными связями, дабы исходящим запахом от её волос перебить стойкий носовой выхлоп коньяка, или проще сказать – он просто занюхал ею.

После этой последней его выходки, Надя решила, что к правилу: «предупрежден – значит вооружен», пора бы прислушаться, и теперь, в случае появления её брата в офисе здания, ей незамедлительно об этом сообщали блюстители порядка, находящиеся на проходной внизу.

Вот и в этот раз она, получив сообщение о приближающейся напасти в виде Лу, отправила всех присутствующих из кабинета и принялась ждать, что ветер на этот раз принесёт ей. Надя мысленно представляла себе: вот он зашёл в лифт, если без происшествий, то он уже через полминуты должен быть на этаже. Что дальше? Значит, от лифта, если не делать круг и не заглядывать в двери, то идти до нас ещё столько же. Ага, уже слышу его смех, значит навеселе, правда, ещё не ясно, что лучше – навеселе, либо наоборот – в мрачных тонах. Вот слышатся приближающиеся шаги и (надо же!) стук в дверь.

– Можно, – заглянув внутрь, спросило улыбающееся лицо Лу.

– Даже если скажу, что нельзя, разве тебя это остановит? – без улыбки взаимности ответила Надя.

– Да ладно, ты. Перестань дуться, – подходя к ней, попытался обнять Надю Лу.

– Что хотел. Говори и выметывайся, у меня ещё работы доплат, – не собираясь с ним рассусоливать, заявила она.

– Да в чём проблема-то? Вон, на улице весна. Всё цветёт и радуется, и только ты – всё бука, – не меняя радостного настроения, продолжил Лу.

– Ну я и вижу, что ты с утра уже настроен в нужный тон, – ответила Надя.

– Не буду же я идти против природы. Ты ведь сама знаешь: демисезонье обостряет чувства жаждущих, вот они и срываются, – сказал Лу.

– На родственниках, – заметила она.

– И на них тоже, – засмеялся Лу.

– Да пошёл, ты... – заявила, раздражаясь, Надя.

– Ну и ладно, пойду встречать осень жизни, то есть весну, – развернувшись, сказал Лу, потом постоял задумавшись и сказал. – А я ведь даже не знаю, когда меня больше подташнивает: весной, или осенью. – И он направился к выходу.

– Когда выпьешь больше, – не выдержав, крикнула Надя вдогонку. Затем задумалась и выразила вслух своё недоумение. – И чего приходил?

Но если бы она видела, с кем Лу выходит из здания, то её недоумение сменилось бы яростью, которую она обрушила вечером, правда, на ничего не подозревающего Геру.

Что же насчёт Лу, то он уже давно заметил одну весьма привлекательную служащую фонда и, прибыв сюда, решил, что сегодня у неё есть шанс доказать свою лояльность девизу фонда «нести добро людям», а так как он, Лу – тоже человек, и к тому же весьма нуждающийся в этом самом добре – то она должна непременно составить ему компанию на сегодняшний вечер. Ну а то, что до конца рабочего дня осталось ещё полчаса, то за это она может не переживать и смело с ним идти, так как всё уже улажено (что только не скажешь, чтобы всё было «уложено») с её начальницей.

Так что Лу уже садился в свой автомобиль вовсе не один, а наоборот – с весьма красивой дамочкой, привлечённой и завлечённой сладкими надеждами на будущее. И куда же, в какую сторону закрутилось колесо чёрного, внушающего уважение окружающим зевакам автомобиля? Конечно, этой даме (да и многим другим романтическим натурам) желалось бы, чтобы автомобиль доставил нашу пару, объятую ореолом романтики, в аэропорт, где их уже ждёт частный самолет, который приняв их на свой борт, понесёт далеко отсюда, от этой серой жизни, и где-то там, в стране, состоящей из одних красок, их закружит водоворот приключений, полных любви.

Но дело в том, что любовь – субстанция первичная, она и расширяет наш серый мир, наполняя его красками радости, но при этом мир (даже переливающийся яркими крас-

ками и огнями) так же и останется серым, если твои чувства не получили вакцину восприимчивости под названием «любовь». Так что жадные до грёз без её любовной основательности люди, не смогут рассчитывать на обоюдность и останутся (разве что!) только со своей жадностью. И наш автомобиль, следуя по проторенной дорожке, не свернул куда не следует, а строго приехал туда, куда и было заказано его хозяином. Но спутница Лу не выразила никаких возмущений, и со стойкостью присущей всем представительницам женского рода, проследовала в клуб вслед за Лу.

В клубе же, Лу, заняв, приличествующий своему статусу стол и, сделав заказ, вдруг потерял интерес к своей спутнице, а стоило ему только выйти из-за столика, как уже потерялся и сам в этой танцующей массе. Первые полчаса, пока спутница Лу (пробуя принесённое официантом) можно сказать была занята делом, она ничего не имела против того, что её занятию никто не мешает, но в следующие полчаса она слегка заволновалась, спрашивая себя: «А куда, собственно, он пропал?». Но людской водоворот, кружащий вокруг и децибелами выбивающий из головы мысли, не заострил своего внимания на существующем порядке дел, а именно, на отсутствии Лу, и наша дама, имея за столом порядочную дозу спиртного, решила не расстраиваться и плыть по течению жизни, тем более, вон тот так импульсивно танцующий «чел», уже не раз задерживал на ней взгляд.

Лу же, после посещения дамской комнаты, (по случаю нарушения координации, что уже не плохо, а то некоторые стремящиеся туда заглянуть и вовсе меняют гендерную ориентацию, вот сколь вожаделенна эта комната для многих особей иного пола), несильно удивившийся случившемуся, а скорее даже не заметивший этого, выйдя в зал, обвёл его взглядом и решил, что надо бы заказать столик, правда, почему он этого сразу не сделал, а сразу оказался в туалете – так и осталось для него не выясненным (как и для нас – его забывчивость). Но тут его заметили какие-то знакомые, и в результате чего, уже он заметил, что можно обойтись без заказа отдельного столика, присоединившись к ним.

Компания, к которой присоединился Лу, уже находилась в той стадии своего мироощущения, когда уже ненадобно ходить вокруг да около. Дозировка алкоголя сделала своё чёрное дело, прикрыв глаза нравственности и, заменив её на нравы, раскрыла душевные объятия для всех желающих приобщиться к слепому зову страсти, так что степень открытости и откровения в этом кругу практически достигла своего апогея, что вполне устраивало Лу, находящегося на той же волне. И каждый, кто вступал в этот круг, должен был принять его правила поведения, а так как миропонимание строилось через осязательные ощущения – то каждый слепо полагался уже только на свои инстинкты.

Ощувив себя и ещё рядом с собой несколько горячих тел, готовым к жизни без сожалений. Лу, после очередного разогрева себя и оказавшейся в опасной близости к нему «чёрной лошадки», решив заарканить её, накинул для начала на неё брудершафтный крючок, затем сделал ещё несколько заходов, как с бокалом так и без него, и почувствовав, что лошадка уже не будет брыкаться, захватил её, а вместе с ней и её нагрузочную компанию, дабы уже продолжить вечер у себя дома.

По дороге к выходу из клуба, Лу заметил за одним из столиков одну до боли знакомую даму, так вольготно себя чувствующую в объятиях мулатного парня, что это вызвало в нём волнительный приступ дежа-вю. «Но где же я её мог видеть?», – до самой посадки в машину не смог Лу прогнать мучающую его мысль. Но как только «чёрная лошадка» взгромоздилась на его колени, то этим сразу же заставила Лу пересмотреть свои взгляды на её счёт. Он переклассифицировал её в лошади, что, впрочем, имело свои плюсы. Так её весовая статичность напрочь очистила его мозг, оставив в нём только напряженные думы о безысходности его зажатого положения. И если в менее стесненных условиях давление располагающего к тебе тела вызывает в тебе реакцию опоры, то на этот раз, ввиду совокупности таких причин: как перевес – одного партнера, и перепой – другого, привели к тому, что по приезду на место, у Лу

уже не было никаких желаний, кроме того, как найти покой уже только на дне бутылки. Что в принципе и случилось дальше, когда их застал приехавший в очередной раз расчищать эти Авгиево-Луисовы конюшни Гера.

Что было дальше, нам уже известно, хотя взгляд на это со стороны Лу, был бы нам не безынтересен ввиду своего оригинального видения этих события. Хотя, какое там видение! Разве разфокусированный взгляд через стекло бутылки может внести хоть какую-то ясность в твоё видение окружающего? Пожалуй, что нет, и он скорее только размоем очертания окружающих предметов, чем позволит их рассмотреть, даже если этот взгляд будет с самого близкого расстояния. Конечно, можно попытаться и представить, что, возможно, со своей стороны видел Лу, ведь для этого даже разработана своя регламентирующая формула – «сон разума рождает чудовищ». Но ввиду того, что эти чудовища – есть плод фантазии самого Лу, которых он заслужил в своё личное пользование (в отличие от нас, которые, к слову сказать, тоже имеют право на свой собственный зверинец), так что мы оставим этот зоопарк под охраной совести Лу и пройдем мимо, не заглядывая туда.

Лу же, почесав ещё раз свою разбитую бровь, уже было собрался выходить из ванной, как воспоминания об этом бровном инциденте (которые, к слову сказать, не отличались последовательностью и отчётливостью видения, в отличие от яркости того света, которым было освещено само падение, другими словами: ему запомнилась яркая вспышка, вызванная ударом, и частично, водные процедуры, вернее то, как он пробовал перебраться через этот непреступный бортик ванной, постоянно скатываясь с него) навели его на одну определённую мысль, с которой он решил поделиться вечером в своём кабинете с ведущим его частный проект Консультантом.

– Вот и я, – выйдя через полчаса в холл, заявил, приведший себя в порядок Лу.

– Ну смотрю, ты совсем в порядке, – ответил Гера.

– Хм, в порядке, – хмыкнул Лу, – конечно, если следовать тому, что я под этим подразумеваю.

– Так просвети, – с иронией спросил Гера.

– Так порядок, это по своей сути, некоторая последовательность, либо действий, либо расположения вещей. И значит, сам по себе порядок, не несёт в себе чего-то именно положительного, ведь последовательность может состоять, как из чёрных, так и из белых полос. Также расположение вещей – это всего лишь место их нахождения: в одном месте лежат негодные вещи, а рядом с ними, соседствуют более качественные, и это всё также будет называться определённым порядком местного мироустройства. Так про какой именно порядок ты говорил? – выдал на гора своё видение порядка Лу.

– Надеюсь, про белую полосу. Но твоё философствование меня всё же несколько пугает, – ответил Гера.

– Ладно, не дрейфь! Мне уже всё порядком надоело, так что я сегодня перехожу на белую сторону добра, – заявил Лу.

– Ты, случайно, не про добрую водку говоришь? – засмеялся Гера.

– Да пошёл, ты! – махнул рукой Лу, и они двинулись в путь, потратив на болтовню три с половиной минуты.

Затем, ещё семь минут им понадобилось для того чтобы занять свои места в автомобиле, следом последовали тридцать семь скоростных минут, слегка растянутых до таких пределов ввиду некоторой торопливости отдельных участников дорожного движения, приводящей к тому, что им уже не приходится торопиться (из-за встречи с таким же дорожным торопыгой, или же наоборот – неторопливым, но зато твёрдым в своей основательности отбойником), и вот уже нам – другим участникам дорожного движения, благодаря их поспешности, приходится плестись в стесненных пробковых условиях. Затем, следует ещё семь минут, и Лу с Герой

оказываются в окружении парочки местных репортеров, ведущих освещение этого знакового заседания.

И если Лу не стал задерживаться, то Герины обязанности требовали от него уделить время для этого небольшого интервью. Конечно, это мелкое интервью, совсем не тот масштаб, где бы мог проявиться весь набор Гериных способностей, и где он, без всяких проблем мог бы дать широкую развёрнутую пресс-конференцию, но перед ним в тот момент стояла ещё одна задача, а именно: ему нельзя было оставлять Лу в одиночестве, из-за расстройств его поведения, вызванного не иначе как весной.

Между тем зал для заседаний постепенно заполнился руководителями отделов и подразделов, заведующими структурных подразделений, а также множеством других важных персон, несущих большую ответственность за какой-нибудь сектор работы компании, где были и те, чью важность многим так и не удалось разгадать, но тем не менее, раз они были приглашены, значит, были важны для компании.

Так зал для заседаний, несущий в себе идею общих собраний, как безликое помещение, не имеющее в своём обрамлении индивидуальных черт, чётко отражал свою занимательность этой идеей скукоты. Большой, выполненный в прямоугольной геометрической проекции, общий стол занимал одну треть зала-кабинета. Одна стена с противоположной от входа стороны была полностью из стекла, другая же, вдоль стены от входа, служила своего рода пристанищем для совсем малых руководителей, ещё более маленьких подразделений, где они и сидели, наблюдая за ходом дискуссий ведущихся за большим столом.

Войдя в зал для заседаний, Гера обнаружил Лу, сидящего по центру стола и хмуро наблюдающего за окружающими.

– Ну что ты? – заняв место рядом с ним, спросил его Гера.

Лу же ничего не ответил и всё также хмуро наблюдал за присутствующими, ему хотелось, чтобы всё это как можно скорей закончилось. Так что Лу, отдав бразды ведения совещания Гере, всё также молча пытался пронести через себя это мучительное действие. Но, как часто бывает в таких случаях, твоё желание по-быстрому всё закончить, внезапно натывается на упорное непонимание каких-то лиц, раз за разом встречающих со своими: либо вопросами, либо предложениями в ходе дискуссионного течения совещания. Особенно в этом отличилась вон та, со вздёрнутым носом, противная тётка. «За который бы её не мешало и подвесить!», – глядя на эту не умокающую особь, думал Лу. «Ну и рожа, так бы и дал ей пинка, а ещё лучше – вылил бы на неё бутылку воды, из которой она всё себе подливает!», – слегка осклабившись от своей фантазии и, откинувшись на спинку стула, продолжал представлять Лу.

– Руководитель должен знать не только все нюансы технического процесса, для него не менее важным должен быть сам человек, со всеми своими вопросами и проблемами. И для того, чтобы суметь это решить, руководитель должен уметь вникнуть в них, найти свой подход к рабочему, – лилась речь Геры на заседании. Но тут он в один момент останавливается и задаёт вопрос. – Вот только, почему у нас в последнее время наметилась тенденция к текучке кадров?

– Так ведь эта проблема не вчера возникла, – опять влезла эта противная тетка.

Неожиданно для всех вдруг в диспут вмешался Лу и, глядя прямо в глаза этой тётке, с ненавистью заявляет.

– О-кей. Вы, видимо, не слышали. Так что вы уволены.

Неожиданность вступления в диспут Лу, поначалу всех заставила очнуться от монотонности заседания, затем, осознание сказанных им слов и вовсе всех ошеломила, что, в свою очередь вызвало бодрость духа у всех тех, кто пока ещё не был уволен. Тётка же, ошарашенная сказанным, вся вытянулась, придав своему лицу выражение фокусника, вытаскивающего изо рта очередное яйцо, при этом этот фокус вызвал удивление не у самих зрителей, а у самой тётки, которая не переставала хлопать своими хлопьями ресниц.

– Так вы ещё к тому же и не поняли, – не сводя глаз с тётки, продолжил Лу.

Тётка в свою очередь осознав, что от неё требуют, вскочила и, откинув с ненавистью стул, с тем же чувством рванула к выходу, где очень крепко захлопнула за собой дверь. Наверное, не надо говорить, что следом за ней улетучились все конструктивные мысли, решаемые на заседании, и каждый из сидящих в зале принялся переваривать для себя случившееся. Гера же, попав в столь неординарную ситуацию, с трудом, как показалось ему (для всех остальных это не имело значения, так как все были поглощены совсем другим), свёл к окончанию сегодняшнее заседание.

– Ты что делаешь? – накинулся Гера на Лу, когда они остались одни. – Тебе что, лавры Сержа Радиоактивного не дают покоя? С тем-то всё понятно, он ради активов и своего обогащения ведёт подобный образ жизни. Он иначе и не может, ведь его период полураспада несёт в себе опасность для контактирующих с ним людей, и требует осторожного к себе отношения. Но, так или иначе, для безопасности всё равно придётся оградить его от окружающих: либо, поместив в клинику, либо, захоронив память о нём! – продолжал Гера.

– Так ведь она действительно ничего не поняла. Нам не нужен флюгер, нам нужна помощь! – на своей волне ответил Лу.

Гера, видя что с ним в данный момент не имеет смысла спорить, достал свой блокнот и стал перечёркивать что-то в нём.

– Я здесь отменил практически все встречи на сегодня, но со священнослужителями встретиться всё-таки надобно, – сказал Гера.

– А мне не надобно, – подстроился под Геру Лу.

– В чём опять проблема? – нахмурившись, спросил Гера.

– А что им ещё надо? Станут учить, что нужно жить под диктовку господина, а я скажу: жить не под его диктовку, даёт куда больше возможностей в этой жизни. Так что мне не о чем с ними говорить, я сам диктую правила по которым живу.

– Всё ясно. Значит, и духовное вычёркиваем. Ну, а что насчёт земного? – спросил его Гера.

– Что ты имеешь в виду? – озадачился Лу.

– Звонила твоя бывшая. Интересуется, когда соблаговолишь повидаться с детьми, – выложил ему расклад Гера.

– А ведь точно, – хлопнув себя по лбу и, выразив эту свою «эврику», ответил Лу. – Я уж и забыл, когда виделся с ними. Так, глядишь, и забуду, как они выглядят.

Затем Лу прошёлся вдоль зала, осушил стакан воды и спросил:

– А чего она тебе звонила, а не прямо мне.

– Ну, этого уж я не знаю, я могу лишь догадываться. Но если смотреть на эту ситуацию с позиции последнего твоего с ней разговора, на тонах, к которым эпитет «повышенные» и в подметки не годиться, то её можно было понять, а вот тебя, как раз крайне сложно, ввиду твоего особенного состояния, – продиагностировал Гера ситуацию. – А, кстати, где твоя благоверная Летиция?

– Ну, здесь всё нормально. Она, видите ли, устала от меня и решила уехать к маме, – ответил Лу.

– Смотри, чтобы не к папе, – засмеялся Гера.

– Да я не сильно-то и обижусь, если она найдёт себе нового, – поддержал Геру Лу.

– Ничего. Деньги понадобятся – сразу же отдохнуть разонравится. Так что сказать твоей бывшей? – спросил Гера.

– Ну, давай скажи, что на следующей неделе. Пусть мне позвонит. И скажи ей, что я уже образцово-показательный, и что от меня грубого слова больше не услышит, – ответил Лу.

Затем они сверили ещё пару контактных встреч и расстались на клятвенном заверении Лу, что сегодня он Геру уже точно не побеспокоит, но всё же он, на всякий случай, пусть будет, как всегда, на связи.

– Конечно, – ответил Гера, и отправился делать то, что не в силах был сделать Лу.

Лу же, выйдя из кабинета, направил свой шаг к месту вчерашнего своего конфиденциального посещения.

Глава 6

– Знаете, а я ведь одно время тренировался у себя дома в ванной по задержке своего дыхания под водой. Мечталось мне нырять в глубины моря и собирать жемчуг, – начал рассказывать Лу Консультанту, в кабинете одного из технологических отделов, несущего в мир современные разработки, определяемые простым сочетанием слов, входящих в название самого отдела: «Нано-техно». Надо сказать, что этот отдел, наряду с прорывными разработками рассматривал и совсем уж фантастические, которые получали своё одобрение только лично у главы корпорации Лу. Сам же Лу имел своё обособленное мнение на фантастичность. По его мнению, только время решает, что фантастично, а что нет. Ведь ещё совсем недавно, казалось бы фантастические вещи, о которых ты читал в фантастических рассказах, может и не вдруг, но спустя какое-то время, превратились в реальность и стали твоей повседневностью. Так что, только время имеет судьбоносное право делать такие заявления.

Если же смотреть на время как на геометрическую субстанцию, в качестве четвёртого измерения, то для Лу время позиционировалось с пространственной точки зрения, или наблюдения за этими тремя измерениями, которые как ему виделось, не находятся в состоянии покоя, а постоянно двигаются по своей определенной орбите движения. И уже от удалённости объекта до точки наблюдения, и зависит качественность видения самого геометрического объекта.

Так, настоящее время, имеющее прямой угол обзора, видит геометрию объекта практически без каких-либо искажений и, можно сказать, что это время наблюдения даёт наиболее чёткий и верный результат оценки объекта рассмотрения. По мере же удаления в будущее точки зрения на объект (в свою очередь, оказывающимся в прошлом), угол зрения заостряется, и в результате этого можно сделать два основных вывода: изменение угла зрения на объект наблюдения, приводит к искажению наблюдаемого события или объекта, что размывает чёткость его определения; с другой стороны, острый угол наблюдения позволяет оценивать событие или объект в его движении и развитии, и тем самым даёт возможность увидеть их влияние на будущее.

Так что изменяя эту временную точку зрения, можно попытаться пододвинуться поближе к так называемым путешествиям по орбите времени, но для этого необходимо найти эту самую точку зрения (на что Лу уже имел свою точку зрения). А вот для того, чтобы поиграть в игры со временем, с этим измерителем реальности, Лу и проникся навязчивой идеей, для воплощения которой он не жалел, ни времени, ни средств. И вот, ко времени начала нашего повествования, исследования его команды подошли к своему логическому концу, сулящему возможность Лу открыть свои временные страницы жизни, и тем самым получить в своё распоряжение вчерашнюю периодику, с возможностью её сегодняшней читки.

– Сейчас это всё кажется таким наивным, но тогда я ко всему этому очень даже серьёзно относился, – с посветлевшим лицом продолжал выводить слова Лу.

– В принципе, я думаю, что ваше предложение подойдёт. Но скажите, к какому временному отрезку относятся ваши водотренировки? – спросил Консультант.

– Где-то 16—17 лет. Да, кажется, что в эти годы уже пора о другом думать, но я в своё оправдание должен сказать, что тогда время другое было. Да и я, возможно, слегка поздно начал развиваться, – несколько смущённо ответил Лу.

– А вы другие варианты не рассматривали? Или этот, по вашему мнению, вам больше всего подходит? – спросил Консультант.

– Если честно, то ничего больше на ум не приходит. Но, в принципе, школьное время меня до сих пор тревожит, и вызывает огромное желание заглянуть в него, – сказал Лу.

– Хорошо. Пусть будет так. Всё равно нам будет необходимо провести пробное погружение на не очень большое расстояние. К примеру, в трехдневное прошлое.

– На три дня назад, я бы не очень-то хотел вернуться, – сказал Лу.

– Нет, мы же не сегодня начнём наш эксперимент. Ведь нам надо выполнить массу работ, как в техническом, так и в организационном плане. Так что, и вам, и нам нужно время для подготовки.

– А что, собственно, от меня требуется? – спросил Лу.

– Я думаю, что для первого экспериментального погружения, нам нужно постараться удержать всё втайне от посторонних, да и не только. Конфиденциальность и ограниченная вовлеченность людей, участвующих в процессе, вот что нам необходимо обеспечить для успешности нашего процесса обмена. Так что, кроме вас и нашего отдела об этом никто знать не будет, а вы, в свою очередь, подберите наиболее удобное время для вас. Отмените все встречи как минимум на неделю, и обозначьте подходящее для этого место. Мы же подготовим нужное техническое оснащение и психологическую поддержку для вас в случае успешного обмена, – сказал Консультант.

– Хорошо. Мне всё понятно, – поднимаясь с места, сказал Лу. – Думаю, что уже завтра я буду готов сообщить вам всё необходимое.

– Тогда мы ждём вашего звонка, – сказал Консультант ему напоследок.

Надо ли говорить, что Лу, выйдя из кабинета, чувствовал себя крайне возбужденным? Давно он уже не испытывал такого состояния нетерпения, ему хотелось прямо сейчас, или по крайней мере уже завтра, запустить этот процесс обмена. Эти мысли не покидали его до самого выхода из здания. И уже сев в свой автомобиль, Лу знал: что, где и когда. Он взял телефон, и набрав Консультанта, сообщил ему.

– Давайте не будем откладывать всё в долгий ящик. Значит так, адрес я вам скину по «эс-эм-эс», после чего жду вас там завтра, со всем необходимым оснащением. Так, примерно, ближе к обеду.

– Без проблем, – ответил голос на той стороне трубки.

– Ну, всё. До встречи, – закончил разговор Лу.

«Я бы тоже не усидел!», – сам себе сказал Консультант, направившись собирать свой отдел в дорогу.

Лу же, позвонив Гере, сообщил ему, чтобы тот отменил все его встречи и дела на неделю, чем вызвал в нём не меньшее волнение, чем если бы Лу вновь вызвал Геру к себе. И ведь на все Герины вопросы, был один многозначительный и так мало говорящий ответ: «Потом всё узнаешь!». А что узнаешь, и почему потом, попробуй тут догадайся, и получается так, что вместо того чтобы успокоиться, те (кому это следовало бы сделать, для чего собственно и должен был послужить сей оздоровительный звонок), наоборот, ничего не желая слышать, обвиняют тебя в том, что ты заставил их не спать и мучиться в догадках, пытаешься разгадать тайну заключённую в твоём ответе: «Потом всё узнаешь!».

И ведь что только они себе не навоображают. Тут и козни западных спецслужб, решивших для себя, что вы именно тот человек, который им даже очень нужен, и поэтому они всеми способами стараются завербовать вас. Но вы-то не так просты, как кажется – горстка родной земли, спрятанная в вашем кармане, вам дороже всех посылов зловредных шпионов (вам нужна всего лишь неделя, чтобы проверить, насколько длинны носы у этих шпионов, и как только вы это узнаете – то обязательно обведете их вокруг носа). Тут и то, что за вами охотятся наследники дона Корлеоне, пытаясь окрестить вас, но вы ведь придерживаетесь совсем другого, православного взгляда на это таинство, и вы всеми способами отрешиваетесь от этих

их предложений, отвергая тиару; и тут, конечно, уже забытое всеми (но только не вами!) НЛО, которое вдруг решило напомнить о себе, утащив вас на свой корабль для экспериментов (а неделя – как раз тот срок, за который создал бог землю, значит, и вы сможете помочь им, в своих далеко идущих строительных планах).

У этих «тех» возникали и другие никчемные предположения (которые, если быть честным, больше отражали реальность, в отличие от первых – не их, а моих фантазий), как например такое: «А может он, в очередной раз решил уйти в запой?». И разве такое предложение не оскорбляет наши возвышенные чувства? И мы, конечно, не оставим его без своего ответа, и смело контраргументируем, заявив: «Кто о чём думает – тот о том и говорит!».

Но вот когда приходит день ответов, и ты на их нетерпеливый вопрос отвечаешь, что всего лишь уезжал на рыбалку, то они с возмущением начинают обвинять тебя в твоей сухости: «А что нам прикажешь, надо было думать?». Но мы-то знаем, что больше всего их огорчает – несбыточность их фантазий, на взлете подрезанная вами и... серой реальностью жизни. И они, недовольные вами (а значит всем этим миром), плюют себе под ноги со словами: «Ни ума, ни фантазии!». После чего отворачиваются от вас, но только до первого запаха ушницы из кухни. Вот и думаешь после этого, что же лучше сделать: звонить, или уже потом позвонить?

Лу же, после своего звонка Консультанту, заехав к себе в дом, взял там смену одежды, отпустил водителя и, сев за руль автомобиля, направил его туда... куда считал нужным.

Но куда же он поехал? Или опять загадки? «А может вы решили сузить круг вовлеченных в действие за счёт нас, читателей?», – потрясёт всех откровением и своей суровостью любознательный читатель. «Да я хотел всего лишь...» – не даст мне закончить фразу суровый человек, перебив своей угрозой: «Смотрите... Если мне не на что будет смотреть в вашем повествовании – то я могу и закрыть книгу! Так вот, что бы этого не случилось, давайте, увлеките меня замысловатостью сюжета. Иначе...». «Но– но! Попрошу!», – уже не дав закончить ему, вставлю своё веское слово я. – «Не на того напали. Разве Муза может подчиниться насилию? Вот, то-то же. Так что, нечего меня пугать. Давайте продолжим!».

Я-то знаю, что он (читатель) не закроет книгу. Не сможет. Ведь она у него – электронная...

Глава 7

Кто-то сказал, что каждый родившийся в маленьком городке человек, мечтает уехать из него, ну а те же, кому это удалось – всем сердцем жаждут вернуться обратно. Так они и живут в полушаге от своего, казалось бы сбыточного желания, но пожалуй уже, всё-таки несбыточного – ведь внутренний шлагбаум уже вряд ли позволит им переступить его.

Каждый маленький посёлок, городок... и так по возрастающей, живёт в тени своего мегаполиса, который и определяет погоду в этом маленьком городке. В свою очередь маленький городок, служит в некотором роде корневой системой для мегаполиса, подпитывая его свежей кровью и другим жизненным ресурсом. При этом житель мегаполиса слегка свысока смотрит на жителя маленького городка, считая его не столь образованным и высококультурным как он. Видимо культурность – такая связанная с географией штука, которая водится только в больших городах, наделяя её носителей этим своего рода чванством.

Малокультурные же жители маленьких городов, не всегда согласны с таким мнением, и частенько «окультуривают» гостей из мегаполиса где-нибудь вечером, возле мест массовых культурных мероприятий, типа дискотеки. И может даже показаться, что антагонизм между двумя этими представителями разных уровней культур, никак невозможно преодолеть, но не надо спешить с выводами. И как только на горизонте появляется представитель ещё более культурного, то есть столичного общества, то вражда в местном культурном сообществе затихает, и оно обращает свой совместный взор на так любимого всеми столичного гостя.

Ведь столичный гость – всегда есть воплощение всех экстракачеств, с которыми он всегда был не против поделиться (а вернее будет сказать – поучить вас) с вами, с высоты своего столичного статуса. Но местные аборигены народ невоспитанный, и всё сами норовят вставить своё слово в пылкую дискуссию, часто переходящую в тыканье носом столичного гостя в его недостатки. При этом данный способ (тыканье носом) всегда сопровождается попаданием в этот самый нос, и как итог, разбитием последнего. Так что всегда трудно сказать, было ли найдено взаимопонимание, или имела лишь место попытка для этого. И известно лишь одно, что в дальнейшем столичный гость смущался таких знаков внимания к своей персоне, и больше не пытался высказывать своё высокое мнение, отложив его до лучших, столичных времён.

И в одном из таких городов-спутников, у Лу и был свой дом. Так когда-то в этом городе жили родители его родителей, и Лу со всей своей семьей частенько к ним приезжали на свои выходные. Со временем, когда старшая семейная ветвь ушла из этого брэнного мира, сюда переехали его родители, сменив на посту своих предков. Видимо для них отчий дом всё же был не пустым звуком, хотя они и прожили большую часть жизни в мегаполисе. Но здесь, в маленьком городке, в своём доме, было так спокойно и тихо, что это, наверное, тоже явилось немаловажным фактором при решении переехать сюда. Но время нещадно, и вскоре дом вновь опустел, отправив в последний путь своих новых-старых жильцов.

Лу же, храня память о них, не стал продавать дом, а несколько подлатав его, оставил для себя это прибежище старых воспоминаний. Правда, он этим не ограничился, и выкупив соседний участок, построил на нём уже дом, отвечающий его современным реалиям жизни. Так и стояли рядом друг с дружкой эти два отражения временной реальности: старенький родительский дом, и современный особняк, дом их детей.

Так старенький дом частенько покряхтывал, глядя на своего рослого собрата, как бы говоря: «Ты смотри, не зарывайся, и не смотри на меня свысока. Дай бог тебе ещё столько простоять, сколько стою здесь я, видевши самого Генку-рябого и Ваську-кривого. Так что, если будешь слушать меня, то получишь такой же почёт и уважение, что и я!». Особняк же, хмуро глядя свысока на этого старого ворчуна и, ничего не говоря в ответ, всё не мог сообразить: кто такой этот Генка-рябой, и чем велик этот Васька-кривой? Хотя, судя по его имени, это был не иначе как великий архитектор, зарекомендовавший себя со своей профессиональной стороны. Но ему никто об этом не рассказал, а также не раскрыл всей удивительной правды о сих человечисах – некому уже было этого сделать. И теперь можно с прискорбием сказать: для нас навсегда канула в лету славная память об этих людях, когда-то бывших грозой всего микрорайона.

Что же касается самого родительского дома, то в минуты особенного волнительного настроения, Лу любил, включив здесь старый проигрыватель и, качаясь на кресле-качалке, погружаться в свои воспоминания. Его старый дом служил для него своего рода прибежищем его памяти. И об этом его доме знала, наверное, только его сестра, которая, впрочем, тоже была здесь редким гостем. Так что здесь можно было не опасаться, что тебя потревожат (как всегда, некстати желающие встречи с тобой какие-нибудь твои знакомые) в тот момент, когда тебе экстренно требуется тишина.

Вот сюда-то и направлял свой автомобиль Лу, где, по его мнению, его никто не сможет побеспокоить. Правда, по прибытию на место (как только он вошёл в калитку) воспоминания прошлого, тут же живой материальностью обрушились на него, заставив тревожно заботиться его сердце. Так сразу за калиткой его встретила пустая конура, из которой когда-то с радостным лаем бросался ему навстречу его лохматый друг Амур. Он был ближайшим другом для своих, но считался злой собакой для чужих, пока твой друг не познакомит тебя со своим Амуром, а уж потом ты тоже становишься своим, и смело можешь заходить к нам в гости. Правда

из этого правила тоже было своё исключение, и одна зловредная соседка, так и не была допущена до круга своих, из-за имевшихся на то оснований у самого Амура.

Трудно сказать, с чем это было связано: возможно – с её кошачьими предпочтениями, и запах кошек, идущий вслед за ней, нарушал покой чувственной натуры Амура так, что он, при каждом её появлении у них в гостях, откладывал подальше от себя кость и со злобным рычанием встречал взглядом её, так быстро старающуюся проскользнуть мимо него. Хотя отдельные злопахатели настаивают на иной версии этого внутреннего конфликта. Они приводят свою версию случившегося: так во времена молодости Амура, и его свободной беспечной жизни, у этой зловредной соседки пропала курица, в результате чего подозрения пали на Амура, так любящего погонять кур на лужайке. Конечно же, хозяева усомнились в столь недостойном обвинении своего любимца, так любящего пускать слюни тебе в лицо, и непременно встали бы на его защиту, но неопровержимые доказательства в виде остатков курицы, найденные в его конуре, привели их к заключению, что Амур пускал слюни не только глядя на них, но и наблюдая за бегущими курицами.

После же выплаченной компенсации соседке, было принято решение, заключить Амура на цепь, чему он сильно не обрадовался и, было, хотел обидеться на своих хозяев, но его тонкая натура почувствовала откуда ветер дует, и с тех пор носительница этого ветра не могла со спокойной душой находиться у них в гостях.

«Но где сейчас Амур, мой верный пёс, и где то время, когда я катался верхом на нём?», – по-гамлетовски размышлял Лу, потирая заслезившийся глаз. «Что от него осталось? Ошейник, да и того уже нет. Уже не обнимешь его, с такой верностью смотрящего тебе прямо в глаза, уже не погладишь, так безмерно осчастливленного этим...». Только теперь и остались эти верные годовые друзья-смартфоны, которые вечерами гладишь по экрану, ища в них что-то, чем можно будет заполнить свою душу. А ведь смартфон очень умный и знает, чем тебя развлечь, и ты, забываясь на время, заполняешь им себя, но почему-то, как только ты его откладываешь в сторону – пустота возвращается вновь, и только сон слегка умиротворяет твоё одиночество.

А ведь этот верный четвероногий друг, так любовно царапавший и хватавший тебя за что попало, наполнял тебя радостью и счастьем, и твоё лёгкое поглаживание его и даже дёрганье за уши, ещё долго жили в тебе, сохраняя атмосферу лёгкой безмятежности. А ведь когда Лу в очередной раз приехал сюда в гости и вместо радостно лающего Амура застал пустую конуру, то он только в тот момент, теряя под собой землю, понял смысл тех смущенных взглядов родителей, бросаемых на него, когда он заговаривал о собаке. Это, наверное, была первая значимая потеря в его жизни, и даже проступившие слёзы на его лице он не пытался скрыть, стоя рядом с конурой. И когда ему протянули ненавидимый Амуром ошейник, то Лу, схватив его, с ненавистью забросил куда подальше. Затем он рванул калитку и бросился прочь бежать, вниз по улице, в ближайшую лесную рощу. Побродив же по ней, Лу успокоился и направил свой шаг назад домой.

– Привет, – услышал Лу, подходя к своей калитке.

Повернувшись, он увидел дочку той самой зловредной соседки и, надо сказать, что возможность увидеть её, была одним из тайных желаний Лу, приехавшего сюда. Наверное, и его пёс чувствовал это, и в связи с чем вёл себя по отношению к ней более чем дружелюбно, позволяя себя гладить за ухом и хватать за грудки. А ведь до этого Лу даже ни разу с ней не перекинулся словом, несмотря на огромный багаж заготовленных фраз.

А ведь он не был слишком неразговорчивым парнем, и многие девушки могут подтвердить, что иногда им приходилось перекинуться с ним парой фраз. Конечно, Лу более красноречив был, как каждый из нас, в кругу своих друзей. Но почему же он не удосужился поговорить со столь привлекательной девушкой, к тому же знакомой с ним? Может в том-то и дело,

что она для Лу стала уж очень сильно привлекательной, и скажу даже больше: очень и очень сильно привлекательной. А ведь всем известно, что именно этот фактор и становится той переключкой, перекрывающей ваши голосовые связки, тем самым мешающий промолвить вам даже слово в сторону волнующей вас юной особы.

– Привет, – раскрыв рот, сказал Лу, покраснев от волнения.

– Я увидела, что вы приехали, и решила подойти поздороваться, – продолжила Светлана. (Так звали соседскую дочку, приходится самому восполнять недочёты, ведь из Лу и слова не вытянешь).

– Да, – только и ответил Лу.

– Я знаю про Амура, и мне его очень жалко, – сказала Светлана.

– И мне, – ответил Лу.

– Ну, а ты как? – спросила Светлана.

«А без тебя никак!», – хотел бы ответить Лу, но не ответил сейчас так. Но он всё же ей сказал это, хоть и другими словами, но с тем же смыслом. И ведь, как только он получил возможность это сказать (небезответность чувств Светланы открыло ему для этого путь) – то Лу осыпал её словами исходящими от сердца.

– Без тебя никак, – говорил он ей вечером, стоя у её калитки. – А как же без тебя, – убеждал он, зовя её погулять вдвоём в город. – Только ты и я, – молвил он, договариваясь с ней встретить Новый год. – Мы всегда будем вместе, – уезжая в столицу на учёбу, говорил Лу. – Я всегда буду помнить тебя, – говорила жирная точка в последнем его письме.

Что сказать, столичная жизнь завертела Лу своим водоворотом событий, его провинциальные целеустремления были признаны устаревшими, и он, вкусив новой жизни, а с ней впитав и новых идей, разменял свою тусклую жизнь вдали от городов на яркость беспечности жизни в мегаполисе.

Не будем останавливаться на пути Лу к своей новой мечте, тем более, его путь не предусматривал остановки ни перед чем, и только таким образом и можно было преуспеть, по его мнению, в этой жизни. Так что найдя для себя новую жизненную стезю, он практически забыл о своей старой колее. И уже по прошествии многих лет, в связи с открытием его филиалов компании на своей родине, Лу всё-таки навестил свой отчий дом и, побывав здесь, распорядился отстроить рядом со своим стареньким домом новый, гостевой дом.

Что касается того света, когда-то освещавшего ему уголки его души, и бывшим для него огоньком в ночи – то он решив, что жить в потёмках тоже вполне можно (но что здесь было правдой, сложно сказать: то ли он испугался растревожить свою душу, то ли опять же испугался расстроить её), не решился навестить Светлану. Хотя ему казалось, что шторы на окнах их дома неестественно ведут себя, уж больно часто они меняют своё положение, но откуда он мог об этом знать, если на них не смотреть. И всё же мне что-то подсказывает, что он всё-таки не смог удержаться, и не только посматривал в ту сторону, но и часто не сводил с её дома взгляда, ожидая увидеть её. А ведь он многое знал о её жизни. Первый неудачный брак, затем второй, закончившийся для неё также разводом, из которого, правда, был вынесен ребенок. И как окончание – жизнь со своей престарелой мамой у неё в доме.

Пройдя же в дом, Лу на каждом углу натыкался на какое-нибудь своё памятливое воспоминание, не дающее успокоиться его душе, ведь вещественность, когда-то впитав в себя частичку вас, теперь, на протяжении лет не перестает истощать их из себя, и вы, сталкиваясь со своей казалось бы утраченной частичкой себя, натываетесь на неё, и в результате чего ощущаете боль связанную с этой утратой.

Побродив немного по дому, Лу решил, что приём пищи сегодня всецело зависит от него самого, так что для этого необходимо наведаться в магазин, дабы наполнить холодиль-

ник, в котором осталась только одна память о продуктах. Выйдя во двор, Лу вдохнул полной грудью местного воздуха, и решив, что он довольно не плох, да и к тому же погода настроена нынче, как нельзя лучше, и что, пожалуй, было бы неплохо прогуляться пешком до магазина, и заодно насладиться местными достопримечательностями. Ну а эти достопримечательности, не носили в себе монументальности, они скорее носились на своих двоих, иначе говоря, местный городишко не мог похвастаться своими достижениями в области архитектуры, но зато колоритность местных жителей, архииндивидуальность отдельных её представителей, смело можно было занести в книгу местных достопримечательностей.

А ведь это закон жизни: там где живёт столь видный живой народ – редко встретишь какую-то застывшую мысль в виде отдельных архитектурных изысков. Живость и кипучая деятельность не дает застояться, как человеку, так и строительному бетону. А ведь, как, оказывается, хорошо вот так беззаботно пройтись по улочкам своего детства. Правда, многое хоть и изменилось, и многих уже и не знаешь, да и ты для многих уже совсем незнакомый человек, но всё равно, там-то или там попадаются тебе на пути осколки твоего прошлого, так живо цепляя тебя. И ведь те, малозначимые когда-то для тебя вещи, вдруг стали как-то особенно важны для тебя, неся в себе частички жизненных случаев, когда-то происходивших с тобой, и они, дополняя твои памятьливые просветы, потихоньку восстанавливают твои картины из прошлого.

Городок, как и ты, тоже не стоял на месте, он тоже где-то рос, а где-то, наоборот, редел, то расцветая в жирные благополучные годы, то ветшая в годы невзгод. Веяние времени не могли пройти мимо него, и он, следуя моде, преобразался согласно действующему в данный момент тренду. Так на место ларьков и магазинчиков, пришли маркеты и супермаркеты, ну, как пришли... – просто сменили вывеску. Так на место пивных-баров пришли различные спорт-бары и пивные рестораны, а ведь ещё недавно в них так любили потолковать о насущном местные любители справедливости (а также и профессионалы этого дела), так не любящие публичности. Но их расплющенные носы, зияющие бланши и другая синеватая роспись по телу, сразу же выдавали в них деловой профессионализм, что, собственно, не умеряло их профессиональный пыл, и они после первой же выпитой кружки преобразались и заявляли о себе во весь голос, что часто добавляло к их отличительным тельным меткам дополнительные украшения. Но несмотря на такие удары по человеческому сознанию, его не так-то просто провести, и человек, ко всему привычный, не изменяя себе, всё также рвётся в эти спорт бары, ответственно заявляя своему нерешительному спорящему с ним приятелю: «Только „bar“ нас рассудит!».

Лу же по дороге набрёл на один из таких маркетов, в детстве носящего, по простолоудинке, название: «Продукты», но сейчас обретшее, и всё благодаря работе местных маркетологов, звучное магнитологическое имя. Зайдя внутрь, Лу обнаружил существенные изменения во внутренней жизни магазина. Так, впитав в себя дух самообслуживания, магазин подвергся значительной реконструкции для подходящего удобства покупателя в его стремлении самообслуживаться.

Лу, посмотрев по сторонам, с некоторой ностальгией вспомнил ту огромную зловредную тётку, как тогда говорили, «сидящую на сладостях». Видимо, это её сидение, да и повышенное содержание дрожжей в её сдобном теле, и дало ход её росту, раз её так, в конечном счёте, разнесло (или расперло, кому как удобно говорить). Но не это больше всего задевало детвору. С этим её «достатком» ещё можно было как-нибудь ужиться, тем более что с ним уживался тот унылый «сухостой», который встречал по вечерам её с работы, взваливая на себя огромные сумки. Но дело в том, что эта тётка полностью опровергала сложившееся мнение: большой человек – это добрый человек. И дети, прежде чем подойти к её прилавку, долго и со страхом думали о том, как же к нему подойти. И только завораживающий вид разных пирожных и всяких ужасно сладких вещей, взяв над ними верх, подталкивал их к прилавку.

Где дети на её звучный вопрос: «Чё надо?!», – с трудом выговаривая название: «Корзиночку с крем-брюле!», – получали свой заказ.

А ведь может эта тётка, сама по себе очень добрый человек, так любящий сладости, что и сказало на её решении пойти работать в этот сладкий отдел. Но вот только сладкое и сдобное не всегда сопутствует стройности, и она, заметив те свои изменения, которым она подверглась благодаря этим факторам сладкой жизни, попыталась ограничить себя от сладкого. Но что поделать, когда маховик привычки уже запущен и наша тётка (сколько не пыталась отказаться от сладкого) всё никак не может перебороть себя. И она, видя как детвора беспечно откусывает очередное пирожное, со слезами на глазах забегает в подсобку и, зачерпнув своими жирными руками горсть конфет, с трудом пытается ими заткнуть свой рот от извергающегося вопля своей души. Затем, слегка остыв, она возвращается за прилавок, где новый покупатель просит принести «вон тот большой торт», и она сама того не понимая, ненавидит его бессильная в своих действиях. И так раз за разом продолжается её ежедневная пытка ничего не подозревающими любителями сладкого.

Ну а детям, подсознательно чувствуя эту её ненависть, так ничего другого не оставалось делать, как перебарывать себя и, преодолевая страх, покупать сладкое. А что вам, детям! Вам ещё повезло по сравнению с тем унылым мужчиной, который когда-то из-за своего весёлого характера слыл душой многих компаний. И разве могла перед ним устоять всеобщая любимица Ласточка-сладкоужка? Да ни в жизнь или, по крайней мере, не в этой её ипостаси! Но где же сейчас та стройная весёлая Ласточка, вносящая в его жизнь радость и счастье? Неужели? Да не может быть? Увы, всё это так, и с каждым лишним килограммом, она всё меньше улыбалась, а он всё чаще отворачивал от неё свой взгляд. Она же, замечая это, с расстройства ещё больше прибавляла в весе, а он всё меньше от этого радовался и, как потом говорили всезнающие бабульки, то в один из вечеров её никто не пришёл встречать, и она, не понимая, что случилось, ошарашено стоя на пороге магазина, глядела по сторонам в ожидании его, и как рассказывали очень дальнзоркие люди, то её глаза при этом приобрели неестественную слезливость. Но он так и не появился, а она, с опустившимися плечами (и не только благодаря тяжести сумок), побрела по узкой тропинке домой.

Сейчас уже нет того отдела, нет, конечно же, сладости никуда не пропали, и даже ассортимент их значительно вырос, но сейчас они уже соседствуют с другими не столь сладкими вещами, что не говорит о пониженном содержании в них сахара, но слегка портит ощущение праздника. Наш же Лу, прикинув, что ему необходимо для ужина, прикупил этого себе и отправился в обратный путь. Занеся продукты в дом, он решил, что надобно занести также привезённую одежду, для чего и пошёл к своему автомобилю. Когда же он вытаскивал сумки из багажника, то неожиданно услышал обращающийся к нему голос.

– Ты, я смотрю, богатый, раз на такой машине ездешь.

Лу же, повернувшись, увидел перед собой весьма отвратительного типа, со всеми своими регалиями не симпатичности, как-то: зловонный запах, неопрятность (если, конечно, это слово можно употребить по отношению к нему), жизненный багаж знаний, заключённый в мешках под глазами, ну, и в придачу, палочка, на которую он опирался, как говорил он и даже зуб за это давал: «Я – инвалид труда, и получил своё увечье, когда работал шахтёром в забое».

– Ну и что, – не дипломатично отрезал Лу.

– Так может, с хорошей жизни добавишь мне пять рублей? – слегка заискивающе спросил инвалид труда.

– Нет, не добавлю, – не меняя тона, ответил Лу.

– Ну, ладно, – процедил сквозь зубы сей тип и, развернувшись, поковылял по дороге дальше.

Лу же повернулся и стал смотреть ему вслед, вспоминая, где же он его видел.

– Что, денег просил? – вдруг услышал женский голос Лу, заставив его тем самым вновь проделать вращательные движения головой и телом.

Повернувшись же обратно, он на этот раз увидел вовсе ни кого-то неприятного, а скорее даже наоборот. Перед ним стояла та, которую он жаждал и боялся увидеть. Светлана стояла рядом с его машиной и, слегка наклонив голову, прищурился глазами, изучала его. Для Лу же, кроме её глаз ничего больше не существовало. Так они и стояли, не смея нарушить тишину.

– Надо всё-таки было дать ему какую-то мелочь, а то он у нас злопамятливый и может гвоздём царапнуть машину, – нарушив тишину, сказала она.

– Ну, а ты как? – спросил её Лу.

– А без тебя – никак, – хотела бы сказать она, прокручивая сладко-горькие воспоминания. – А мне как без тебя, – соглашалась она идти вместе с ним гулять. – Только я и ты? – переспрашивала она, когда он звал отмечать вместе Новый год. – Я тебя буду ждать, – говорила она, когда он уезжал на учебу. – Я тебя никогда не забуду, – размывала её слеза его жирную точку.

– Да ничего, помаленьку, – ответила она ему. – Ну а ты, надолго к нам?

– Да ещё не знаю, – ответил Лу.

– Понятно, – в свою очередь ответила она.

А что, собственно, в данном случае понятно? То, что сложно разговаривать – это только и понятно, остальное же совсем не ясно и очень непонятно. Но попробуй тут разберись и пойми друг друга. Как себя вести после стольких лет, после разрыва, и что говорить в данном случае уж очень непонятно для всех, так что приходится держать независимый вид, проводя языковую разведку.

– А кто это был, – не зная, что сказать, спросил Лу.

– Так ты разве не узнал? – искренне удивилась она.

– Да нет, – слегка оживившись, ответил Лу.

– Так это же... тот самый Сева-сдача, который... – Света как-то особенно посмотрела на Лу и продолжила, – да ты и сам всё знаешь.

– Неужели? – пораженный открытием, ответил Лу. – Никогда бы не узнал.

– Ну а меня-то хоть узнал, ведь время и меня не пощадило? – спросила она его тихо.

– Прости меня, – хотел бы он сказать, но ответил лишь коротко. – Конечно.

– Ну, ну... – кивнула она.

– Может тогда зайдёшь ко мне в гости вечером? – кротко спросил её Лу.

– Зачем? – как-то зло спросила она.

– Посидим, поговорим, – сказал Лу.

– А мне казалось, что ты всё сказал в своем последнем письме, – не сводя с него глаз, проговорила Светлана.

– Видимо, не всё, – выдохнув воздух, ответил Лу.

– Я хоть девушка и злопамятная, но к тому же и весьма любопытная, и если первое предлагает мне послать тебя куда подальше, то второе, имеющее большой вес, заставляет меня пойти наперекор себялюбию и согласиться, – выдала она тираду.

– Ну, так что? – как-то по-детски спросил Лу.

– Ладно, спрошусь дома, и если отпустят – то, возможно, – развернувшись идти к себе домой, сказала она.

– Я буду ждать, – только и сказал Лу ей вслед.

«А ведь она стала ещё красивей!», – размышлял про себя Лу. «Но разве время не упущено?», – спрашивала Рассудительность. «Я чувствую, что нет!», – заныло в ответ Сердце. «А если она меня так и не простила?», – пускает сомнение Рассудительность. «Хватит отговорок. Я хочу её видеть, и другое меня мало волнует!», – непреклонно Сердце. «А если она не придет?», – пытается внести смуту Рассудительности. «Ха, ха!», – страшно смеётся сердце,

вынося свой вердикт, – «Тогда ты пойдёшь к ней и ещё раз её позовёшь. Решение окончательное и обжалованию не подлежит!».

А что поделатъ, когда сердце всем рулит и руководит в тебе, и только попробуй послушаться его, то возьмёт да и ослабит подачу крови в организм, и ты, чувствуя слабость из-за недостатка крови, будешь вынужден отменить все твои планы на день. Ну, а в другой раз, оно, наоборот, перенервничает и увеличит давление, тем самым разогнав в тебе кровь, и ты вновь уже не справляешься с таким перепадом и вынужден занять место на койке. Что уж говорить, а если оно захочет, то и вовсе остановится и тогда нам с вами уже не придётся говорить. Так что слушать сердце всегда полезно, и даже нужно для своего здоровья, ведь оно плохого не посоветует, хотя, честно сказать, иногда и пользуется своим служебным положением. И ведь что интересно, так это его заявления о том, что оно более разумно в своих действиях, чем кто-либо во всей этой системе человека. И нечего там разуму позиционировать себя в этом качестве, ведь только от количественного кровяного потока в область головы и зависит уровень разумности мышления человека. Вот захочет сердце, чтоб человек впал в безумие, так возьмёт, как качнёт всеми своими поршнями, и человек нальётся кровью аж до самых глаз, и ты уже не зевай, а опасайся его действий. Так что только сердце определяет степень разумности человека и – никаких гвоздей, а если не верите – то спросите у своего сердца.

Лу не стал задаваться таким вопросом, он уже и так был во власти своего сердца, которое после того, как сжалось при встрече со своей когда-то половинкой, так только сейчас полностью расправилось и взяло рычаги управления в свои клапана. Лу, высыпав купленное из пакетов, и осмотрев свои покупки, пришёл к выводу, что придётся ещё раз идти в магазин, дабы пополнить и разнообразить запасы продуктов, чтобы можно было приготовить что-нибудь особенное, а не только сварить пельмени, как того хотел он до встречи со Светой. Так что быстро сгоняв уже на машине до магазина, при этом успев навлечь на себя недовольство местных собак, не любящих быструю езду автомобилей, но так любящих с лаем бросаться под колеса проезжающих мимо машин, Лу прикупил всё, что показалось ему нужным в сегодняшней готовке.

Но не забыл ли Лу прикупить к продуктам и умение приготовить ужин? Что-то я сомневаюсь в этом его умении. Ведь судя по образу жизни Лу, то можно сказать, что его отношения с ужином складывались разве что только с потребительской стороны, но никак не с производственной.

«А ничего подобного! В пору его студенческой жизни он не раз был замечен за варкой макарон и жаркой картошки!», – вступятся за него его однокурсники. Что ж, всё может быть. Но разве Лу собирается приготовить макароны, или даже поразить нас их более сложным флотским вариантом? Нет, Лу не так-то прост, и он, включив спутниковое телевидение со специальным каналом, приготовился изумить своим мастерством, конечно же, не нас, а лишь только её, ну и себя в придачу.

И вот, несмотря на некоторые сопутствующие готовке происшествия, такие как: небольшие порезы пальцев, небольшие ожоги от шипучего масла, блюдо готово, и даже сервирован стол в ожидании вечернего ужина. И наш повар даже приоделся и, несмотря на ограниченность его гардероба, он всё же приобрел элегантный вид. И осталось только дожидаться гостя, которая, впрочем, весьма смутно обозначила время своего прихода. Что ж делать, Лу пришлось занять наблюдательный пост у окна и смотреть на окна своей соседки, стараясь заметить Светлану в них. Но что-то сегодня шторы были особенно сдвинуты, и Лу, не обладая рентгеновским зрением, никак не мог увидеть, что делалось за ними. И только тени от лампы на занавесках могли ему подсказать, что всё-таки дом кем-то населен.

Ну а Лу, изнемогая от нетерпения, переходил от одного окна к другому, думая, что сменив диспозицию, ему удастся хоть как-то продвинуться в своих наблюдениях, но это ничего не давало – его взгляд все так же упирался в безмолвие ненавистных им штор.

Прождав же её в таком двигательном процессе, Лу, вместо того чтобы облизывать пальчики от ужина, стал постепенно кусать локти от неопределенного чувства найденной потери, что, в принципе, очень полезно для работы мозга. Существует мнение, что именно в локтях находится наибольшее количество веществ, содержащих повышенную норму витамина «В», так полезного при работе мозга и способствующему улучшению памяти. И могу вас заверить, как только вы немного покусаете локти, то сразу же, с первого раза, непременно почувствуете, как работает этот действенный способ, как он включает вашу память, до этого работавшую с перебоями. Но только не забывайте, что локти, с необходимым для вас веществом, должны быть только вашими, а то ведь найдутся особо без памятиливые, которые возьмутся за чужие конечности.

Лу же, не находя себе места, ещё немного пообтёр носом свои окна и, решив, что терпение его уже давно закончилось, выдвинулся к её дому. Подойдя к калитке, он тяжело выдохнул и постучался. На его удивление в ответ залаяла собака. «Надо же, завели себе пса!», – подумал Лу, зная нелюбовь Светланиной матери к собакам. Подождав ещё немного, Лу повторил свой стук. На этот раз он услышал голос самой Светланиной матери.

– Кто там?

Лу же, не зная, как представиться ответил:

– А Светлану, можно позвать?

– Уже поздно. Идите домой, – ответил ему старческий голос.

Лу поначалу даже не сообразил, что ответить на это «поздно» и даже слегка нервно прыснул смешком. Как поздно? Ведь ей не пятнадцать лет, что ещё за глупость. Придя в себя, Лу вновь крикнул:

– Я вас прошу, позовите. Мне очень нужно.

– Нечего тут орать благим матом, – заскрипела старушка. – И если вы не прекратите – то я на вас собаку спущу. Амур, иди ко мне!

Услышав это имя, Лу как-то весь обмяк, его сердце как-то нехорошо (а разве бывает хорошо) защемило, и он пошёл прочь отсюда, к себе домой, который сегодня взял на себя обязанности этого места под названием «прочь». А ведь это не просто место, куда все посылают неугодных им людей или изгоев, оно очень даже необходимое пристанище для всех униженных и оскорбленных. И даже трудно представить, кого только здесь нет, а уж тех, кто там не побывал – вовсе не представится возможным найти.

«Не много ли вы на себя берете, заявляя подобные вещи?!», – вдруг кинет мне вызов вон тот расфуфыренный франт. «А не пошёл бы ты, прочь!», – отвечу я со своей стороны, и он в мгновение ока совершив путешествие в эту страну посланцев, смиренно замолчит перед столь действенным аргументом. Но этой своей властью – посылать прочь, нельзя злоупотреблять, иначе и вас когда-нибудь возьмут и пошлют подальше прочь отсюда. Хотя вы можете контраргументировать, заявив: «А я и не прочь!». Что говорит об универсальности этого слова, означающего: как место существительное, так и само действие, направленное помочь вам достигнуть так желаемого вашим посылателем.

Почему же это направление отправления отдыха так популярно в народе, если конечно не учитывать другое, самое чертовски желаемое место отсылки, немного затратное ввиду выписки визы и уже безвизовое секс туристическое направление на «...»? То с последними всё понятно, их специфичность говорит сама за себя, не утруждая нас искать в них подводные камни. Прочее же направление, видимо, своей напрочь надёжностью, зарекомендовало себя своей стабильностью и доступностью, ведь посыл по другим направлениям (в особенности сексуального характера) может вылиться для посылающего в большие хлопоты, а так – всё надёжно и доступно для твоего кармана. Также «прочь» очень демократичное место, и выбор его полностью зависит от предпочтений клиента: оно может быть, как в развалившейся лачуге, так и в фешенебельном отеле. Впрочем, это место заслуживает для себя отдельного разверну-

того исследования, на которое у меня в данный момент нет времени, а впрочем... Нет и нет! А то уже прочие родственники начинают стучать в двери, намекая на свой родственный синтаксис. В общем, для Лу это самое «прочь» находилось у него дома, на мягком диване, где он, не раздеваясь, и уснул.

Хорошо, что всё-таки есть сменяемость времени дня: утро, сменив на посту вечер, приносит с собой совершенно другие ощущения... Так и Лу, проснувшись утром, хоть и был слегка помят, но его сердечный ритм принял свою утреннюю размеренность, что позволяло оптимально эксплуатировать свой организм, чем и занялся Лу, приняв гигиенические процедуры, а затем, позавтракав.

Ближе к обеду, к дому подъехали два микроавтобуса, привезя с собой Консультанта и ещё парочку разработчиков проекта. Решив, что гостиная, как нельзя лучше подойдёт для них, они стали настраивать своё оборудование в ней. Лу же, предоставив им полную свободу действий, и дабы не мешать им, отправился прогуляться по городу. Ему захотелось ещё раз пройтись по старым своим улочкам, где когда-то он гулял. К его удивлению, на это потрачено не так уж и много времени, как оказалось. И когда-то большой для него городок, вдруг оказался совсем не таким большим, каким он ему казался в детстве.

Хотя, возможно, что просто сам Лу вырос, когда как городок не сильно-то преуспел в этом деле, и теперь в его взрослых глазах когда-то широкие улицы превратились в так себе проулки. Так, пройдя по одной из улиц, он оказался в центре города, где, как и полагается, находился парк культуры и отдыха, со своими предложениями для отдыха в выходные дни трудящегося люда. Рядом с ним находилось ещё одно монументальное здание, которое уже под своими сводами, закрытыми для неблагоприятной погоды, предлагало культурно отдохнуть. Взрослая публика могла здесь насладиться выступлениями артистов, как эстрады, так и театральных постановок.

Так молодёжь отдавала предпочтение вечерним танцам, проводимых на так называемой дискотеке, со временем переименованной в клуб, чем весьма гордятся деревенские жители, ставшие, по их мнению, основоположниками клубной жизни, так нынче модной в больших мегаполисах. «Ха, ха! Деревня! Для нас уже в прошлом веке это было в не диковинку. А они только сейчас начали вести клубную жизнь!», – не особенно церемонясь, заявит какой-нибудь не особо щепетильный в вопросах тактичности деревенский житель.

Сюда-то по выходным, и заезжал в своё время Лу. В будние же дни, он, как и многие другие, посещал местный кинотеатр, где под свист, громогласное обсуждение и хохот проходили сеансы показа какого-нибудь фильма. «Я бы и сейчас сходил, – ностальгически подумал Лу. – Хотя бы только просто окунуться в ту атмосферу беззаботности». Побродив ещё немного, Лу направил свой шаг назад, домой, где к его приходу, по большей части всё было готово.

Пока же техническое звено занималось настройкой, Лу и Консультант, устроившись в кабинете, принялись за завершающую информационную доводку данных, необходимых для осуществления их эксперимента.

– Видите ли, наша информационная компонента эфира, который позволит создать нам тот связующий мост с вашим намеченным прошлым, создаётся на основе сбора данных о том периоде времени, в который вы и собираетесь переместиться. Так мы собираем (в нашем случае это 1985 год) все данные о составе внешнего фона или по нашему, информационного эфира, включающего в себя весь перечень присутствующих в нём веществ: как кислород, азот и т. д. Ведь содержание этих веществ в нашем эфире разнится для каждого периода времени, хотя, надо сказать, что есть и очень схожие времена, но всё же именно срок в 48 часов – есть тот промежуток времени, когда эфирное время наиболее схоже. Так что, кто знает, что больше влияет на окружающую жизнь: то ли состав внешнего эфира, то ли сам живой мир, внося изменения в него. Так вот, чтобы у нас не было большого временного разбега, мы вносим состав-

ную константу в эфир, ну а вы моделируете определенную ситуацию, в результате которой мы попробуем совершить обмен. И наша компонента эфира, проложив путь в информационном пространстве, сможет соединиться с той вашей точкой сохранения, где будут находиться отвечающие ему схожими характеристиками, эфирные ворота. Затем ваше концентрированное погружение наложит кальку на ваше прошлое, и за тем, за счёт вашей модернизированной багажной памяти (проще сказать – большего веса вашей современной памяти), вы выдадите вашу прошлую составляющую памяти, которая по эфирной дороге сменит вашу сегодняшнюю память, и что, в конечном счёте, приведёт к нашему обмену, – сказав всё это на одном дыхании, Консультант внимательно посмотрел на Лу, ожидая его реакции.

Лу же, сидя в кресле, что-то для себя обдумывал, а уже затем стал задавать дополняющие вопросы.

– Ну и как этот эфир вы заставите работать?

– Скажу так: этот эфир, по своей сути, тоже есть информационный концентратор памяти, и мы, введя его в вас, запустим его с помощью вас же, – начал говорить Консультант.

– Как это? – не выдержав, спросил Консультанта Лу.

– Наш эфир имеет жидкую форму, и мы, закапав его вам в глаза, запустим процесс обмена. Эфир же, проникнув в ваш мозг, подключившись к его деятельности, и поможет создать этот мост, – ответил Консультант.

– А не будет ли это, всего лишь мозговая галлюцинация? – спросил Лу.

– Кто знает, ведь человеческий мозг так и не изучен до конца. Да и если так, разве для вас будет это иметь значение, если вы будете ощущать своё прошлое так же реально, как и прожив его. Да и кто знает, реален ли нынешний мир? Всё дело ведь в степени его ощущения.

– Интересная перспектива. Но что же должен делать я, когда буду заряжен этим вашим эфиром? – спросил Лу.

– От вас требуется концентрация на том времени, куда вы хотите попасть, а затем моделирование ситуации через погружение.

– Понятно, – задумавшись, сказал Лу.

– Знаете, всё же моделирование действий может говорить о том, что ваш обмен будет происходить не только в вашем в мозгу, – сказал Консультант.

– Кто знает, что мне привидится. Мозг уж очень большой фокусник в этом плане, – сказал Лу, затем встал и добавил. – Хорошо, мне всё ясно. Ну, а если я не уложусь в 48 часов?

– Придётся. Ведь всё будет зависеть от вашего прошлого «я», которое уже по накатанной выдавит вас обратно, – ответил Консультант.

– Ну, а если я возьму и заблокирую обмен, возьму и отменю погружение? – спросил Лу.

Консультант же, видимо, не ожидал такого развития событий и несколько даже потерялся.

– Ведь надо же все варианты предусмотреть, – улыбаясь, сказал Лу.

– Трудно сказать... Если честно, то тогда, возможно, ваше прошлое вернётся назад в отправную точку, и просто произойдёт сбой в вашем обмене.

– Ладно. С собой-то я как-нибудь разберусь. Но что вы будете делать с моим прошлым «я», мне, как помнится, я в прошлом с вами не виделся?

– Ну, во-первых, от вас нам необходимы личные фотографии, начиная с детских; что касается вашей записки – я думаю, что она не понадобится; далее, к намеченному вами дню приедет психолог, которому вы подробно расскажите о том своём «себе». От этого, собственно, и будет зависеть ваше возвращение назад. Ну, и как экстренный случай – придётся, если что, немного вас помять, – сообщил Консультант.

– А, теперь я вспоминаю, откуда у меня появился синяк. Когда-то я, проснувшись в детстве, помнил, что ложился без него, – вдруг заявил Лу.

Консультант же, слегка оторопев от этих слов, как-то растерянно ответил:

– Я про это ничего не знаю...

– Ладно, не переживайте. Я ведь не помню об этом. Значит, возможно, у нас есть шанс, ведь про синяк я не соврал, – ответил Лу. – Ну так что, с чего начнём?

– Давайте для начала произведём опытное перемещение, к примеру, на сутки назад, что будет нам легче сделать в плане сбора технического материала о состоянии окружающей среды, ну и с вами, я думаю, не возникнет проблем, – ответил Консультант.

– Что ж, я думаю, разумно. Ну и когда начнём? – спросил Лу.

– Сейчас мы произведём забор воздуха, затем проведём его анализ, законсервируем пробу в вакуумной упаковке, для того чтобы она не подвергалась изменениям и осталась в своей временной форме. Завтра введём пробу в компоненту эфира, а затем уже дозируем её в вас, через капли в глаза. А потом – дело за вами, – разъяснил Консультант.

– Это понятно. Но получается, чтобы мне попасть в сегодняшний день из будущего, мне надо будет сегодня слегка понырять.

– Вы всё верно предполагаете, – заверил Консультант.

– Ну, тогда занимайтесь своими делами, я не буду вам мешать, – сказал Лу на прощание Консультанту, который поняв, что разговор закончен, приподнялся и пошёл на выход из кабинета, но, остановившись у двери, спросил:

– А где вас искать, если что?

– Я буду вон в том маленьком гостевом домике, – сказал Лу, указав на родительский дом.

Глава 8

Придя сюда, в свой отчий дом Лу, по привычке потрогав стенки и другие памятные выпуклости, не спеша прошёлся по нему. Затем достал старые фотоальбомы, собираясь полистать, и его заодно отобрать фотографии для Консультанта. Сложив альбомы рядом на столик с креслом-качалкой, Лу выбрал подходящую для его настроения пластинку и включил проигрыватель так, чтобы звук музыки мог заглушить все посторонние звуки. Затем забрался в кресло, взял альбом и, при весьма шумных звуках исходящих из акустики, принялся листать фотоальбом. Сколько это продолжалось – трудно сказать, но если считать по музыкальной составляющей – то это случилось, когда он сменил первую пластинку на вторую, а ещё сменил сторону проигрывания второй, но а если рассматривать ситуацию, принимая в расчёт фотоальбомы, то можно сказать, что это произошло как раз на втором альбоме, примерно где-то на середине. Да, именно на середине просмотра второго фотоальбома Лу так укачался (да и покой сделал своё дело), что он, уронив голову, взял и уснул, погрузившись в сладкие сны. Что ему снилось нам невдомек, хотя путём лёгкого анализа можно сделать некоторые предположения. Но давайте оставим для человека хоть одну тайну – тайну его сновидений, а то ведь при нынешней, не всегда желаемой открытости человека для общества – только его сны и остались закрытыми для посторонних. То, куда ещё не может залезть любопытный глаз репортера, или его доморощенного ответвления, какого-нибудь до всего досужего «блохера». А ведь блох выгонять – ох, какое трудное дело.

«Мы имеем право на информацию, а также и на её освещение!», – без колебаний парируют любое твоё заявление эти современные средства или проводники информации. «А как же право на свою личную жизнь, её неприкосновенность?», – спросит очень личный человек. «Ха-ха! Не смешите нас! Ведь это право требуют, как правило, наиболее публичные люди, которые через свою публичность и сделали своё имя, а теперь, видишь ли, требуют права на закрытость. Нет уж, не получится! Ну, а что касается далёких от публичности людей – то они могут спать спокойно, нам не интересно, сколько там она раз изменила своему мужу-колхознику. Вот другое дело – Лена Берёза со своим мопсом!», – заметит весьма пронизательный журналист, мечтающий, чтобы в его кровать когда-нибудь пытались залезть его коллеги по цеху.

Да, их не переспоришь, и я не буду пытаться это сделать, вот только в данных проводниках (почему-то!) не используют нержавеющей металл, и они, покрываясь ржавчиной, со временем темнеют и превращаются в тлен.

Но вот вдруг, неожиданно, из вновь включившегося проигрывателя, наступившую было тишину разрезала музыка. И что же в таких случаях делают мирно дремлющие люди? Естественно, они даже очень не слегка дергаются от испуга. Но это скорее инстинкт самосохранения их дёргает, прежде чем они успевают сообразить, что же случилось. А вот сама амплитуда подёргивания человека, то она уже зависит от его индивидуальных качеств. Некоторые, особенно впечатлительные личности, могут, как говорится в народе, и до «кондрата» додёргаться, другие же, несколько толстокожие клиенты – только ухом и ведут; но это можно заметить только при внимательном изучении его уха. Что касается Лу – то он не относился ни к той, ни к этой крайней категории, а был, как и многие из нас, где-то посерединке. Что, тем не менее, его весьма вывело из себя, заставив выронить из рук альбом, и даже подскочить со своего кресла. А ведь если принимать во внимание сложность конструкции кресла-качалки, то можно предположить, что сделать ему это было не так уж и легко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.